

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

МЕЧ ГОСПОДА
НАШЕГО. КНИГА 5.
ПРЕЛЮДИЯ БЕДЫ

Третья Мировая война

Александр Афанасьев

**Меч Господа нашего.
Книга 5. Прелюдия беды**

«Остеон-Групп»

2020

Афанасьев А. Н.

Меч Господа нашего. Книга 5. Прелюдия беды /
А. Н. Афанасьев — «Остеон-Групп» , 2020 — (Третья Мировая война)

ISBN 978-5-98551-262-5

Действие сериала происходит в альтернативной реальности, весьма приближенной к действительной истории нашей планеты и различающейся от неё ровно настолько, что можно сказать "если бы это случилось, то..." Ганнери-сержант Грегори Бунт - один из лучших снайперов США. Он чернокожий, осужденный за расизм, выполнял особо опасные задания в Африке, чудом остался жив. Он ушел из морской пехоты и открыл школу снайперов, но его дочь - отправилась в Африку чтобы учить детей и была похищена черными исламскими радикалами. Отставной сержант - возвращается в Африку с винтовкой, ему удастся освободить дочь и уйти из Могадишо. до того как начинается атомная бомбардировка города. Во второй части романа американские офицеры с базы Форт-Худ в Техасе, потерявшие командование в начавшейся мировой войне - вместе с частями техасской милиции противостоят нашествию армий убийц и наркомафии из соседней Мексики. Они пытаются еще и соблюдать остатки закона - только это уже невозможно и закон один - убивай или будешь убит. И они понимают, что вместе с мексиканцами - на их границу пришли и афганские боевики.

ISBN 978-5-98551-262-5

© Афанасьев А. Н., 2020

© «Остеон-Групп» , 2020

Содержание

Часть 1	5
28 июля 2015 года. Северная Нигерия, неконтролируемая правительством территория. Сокото	5
Картинки из прошлого. 11 июля 1996 года. США, Калифорния. База морской пехоты США Кэмп-Пендлтон. Школа снайперов – разведчиков морской пехоты США	13
15 июля 1996 года. Аддис-Абеба, Эфиопия	20
17 июля 1996 года. Сомали, неконтролируемая территория. Дорога на Байдоа...	24
19 июля 1996 года. Сомали, Могадишо. Рынок Бакараха	28
21 июля 1996 года. Сомали, южный Могадишо	35
28 июля 1996 года. Сомали, южный Могадишо. Район рынка Медина	38
Картинки из прошлого. 13 сентября 2009 года. Индийский океан. Ударный авианосец USS «Dwight D. Eisenhower»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Афанасьев

Меч Господа нашего

Часть 5

Прелюдия беды

Если вы замышляете причинить вред Египту или мусульманам, вы встретитесь с людьми, которые ищут смерти больше, чем вы ищете жизни

Шейх Тауфик аль-Афани

Часть 1

Частное дело сержанта Бунта

28 июля 2015 года. Северная Нигерия, неконтролируемая правительством территория. Сокото

Радиаторная решетка давно отжившего свой срок, но все еще бегущего внедорожника «Исудзу» уперлась в задницу мула – и тот недовольно заревел, не желая уступать дорогу...

Твою мать...

Капрал Трэвис Ньюман сидевший за рулем нажал на клаксон, но он молчал.

Просто прекрасно... Долбанный драндулет...

Сидевший рядом сержант Ричард Типп взвел курок автоматического пистолета сорок пятого калибра, щелчок был отчетливо слышен в машине.

– Спокойно, парень...

Их первый номер, ганнери-сержант¹ Грегори Бунт, один из самых опытных снайперов в морской пехоте (79 подтвержденных попаданий, больше 200 – заявлено, лучший чернокожий снайпер в истории армии) высунулся из машины.

– Зэй! Зэй! Зэй! – заорал он с искаженным от гнева лицом и замахал руками. Чернокожий здоровяк, наголо бритый – он производил впечатление даже в свои 43 года. Ганнери-сержант Грегори Бунт вероятно был единственным чернокожим в мире, который умудрился попасть под трибунал за белый расизм и экстремизм. Дело замяли – просто побоялись, что про всё про это узнают газеты. Чернокожий расист – это сильно...

Испуганный чернокожий – начал бить упрямую скотину палкой, чтобы та убралась с дороги. Мул постоял еще немного, потом – неторопливо, с чувством собственного достоинства отошел в сторону, дав место машине.

Исудзу тронулся.

– Это был пушту, да, сержант? – спросил капрал Ньюман, который был новичком. Прошел полный курс подготовки, но на боевом задании впервые. Но где взять профессионалов – кто на исходных в Заливе, кто в Афганистане, в Ираке, в других долбанных горячих точках. Им повезло, что с ними был Бунт...

¹ Ганнери-сержант, комендор-сержант, артиллерийский сержант – это всё одно и то же звание.

– Заткнулся бы ты, а, капрал. Знаешь, что с тобой могут сделать, если будешь много болтать, и кто-то это услышит, а? – сказал Типп.

«Исудзу» неспешно полз по улицам когда-то не самого отсталого и захудалого города во всей Африке. Нефть – а Нигерия занимала первое место в Африке по запасам нефти, причем нефть была хорошая и быстроизвлекаемая – давала свои плоды в виде дорог, современных зданий, школ, магазинов. Увы... видимо Господь Бог распорядился, что там, где нефть – там мусульмане. Сейчас, на севере Нигерии, в неконтролируемой зоне – с бензином было так плохо, что большая часть населения была вынуждена вернуться к гужевому транспорту...

– Внимание, справа. Точка один.

– Не останавливайся, – спокойно сказал ганнери-сержант, – езжай спокойно.

Это был отель. Недостроенный, когда начались беспорядки, инвесторы сочли за благо бросить недострой и сваливать отсюда, пока целы. Унылой, уже успевшей заржаветь цаплей – рядом со скелетом здания стоял кран...

– Твою мать... – сдавленно проговорил капрал.

– Езжай спокойно, – повторил ганнери-сержант – ты свой, они не знают, кто ты. Не дергайся, езжай...

Чем ближе они были к точке – тем яснее они видели, что кран никак не подходит для основной точки работы снайпера. Забор вокруг объекта, конечно же, снесли, они ехали мимо и отлично видели, как кран накренился и насколько сильно он поврежден. Кран этот был старой модели, он не крепился к одной из стен строящегося здания, а катался на проложенных рельсах. Вода подмыла эти рельсы и просто удивительно было, как кран еще не упал на город.

Вдобавок, в недостроенном здании отеля жили люди, по крайней мере, на первых трех этажах, это было отлично видно. Просто удивительно – кто занимался дешифровкой спутниковых снимков и как они не заметили всего этого...

«Исудзу» медленно прополз мимо недостроенного здания, завернул на повороте. Вокруг – прямо по дороге шли люди, скот, трещали дешевые китайские мотоциклы – они могли питаться самым дрянным прямогонным бензином, который здесь гнали на подпольных заводах. Никакие другие транспортные средства такой «кормежки» просто не выдерживали.

– Черт бы побрал этих умников... – не выдержав, злобно выругался сержант Типп – черт бы побрал этих долбанных умников с их презентациями...

– Легче, парень, – философски заметил Бунт – бывает всякое. Во Вьетнаме ошибались, в Ливане ошибались... и сейчас ошибаются.

– Вы бывали во Вьетнаме, сэр?

– Нет, парень, в те годы я еще ходил в школу и думал, как бы мне подкатиться к Салли из соседнего класса, которая по слухам не слишком то ломалась. Брат рассказывал. Собственно, из-за него я и сделал глупость – пошел в морскую пехоту.

Если бы это сказал кто-то другой – они бы обиделись. Но это был ганни Бунт, он же «Палач Багдада», член легендарной снайперской группы, прикрывавшей военных строителей, которые сооружали стену, чтобы отрезать кишаший террористами Садр-Сити от остального города. Тогда на пару недель в Багдаде собрали звездную команду, лучших из лучших снайперов, какие только были, среди них был Крис Кайл, лучший снайпер из ныне живущих. За эти две недели они ликвидировали больше 700 боевиков и позволили строителям завершить стену. Более того – многие морпехи, из тех, что бывали в Багдаде не по одному туру, замечали, что именно тогда среди последователей Муктады Ас-Садра произошел некий надлом и больше они ничего серьезного, массированного не предпринимали.

– Что сейчас, сэр?

– Что-что. Точка скомпрометирована, ее использовать нельзя. Идем на основную, там решим, что делать.

* * *

Они проехали дальше по кишашему вооруженными людьми городу, подъехали к нужному зданию – пятиэтажному, с открытыми балконами, средиземноморской постройки. Это было что-то вроде нормальных кварталов Сокото, дальше был рынок и трущобы – одноэтажная, нищая застройка, самострой...

– Твою же мать... – вымолвил Типп.

У школы – стояли несколько пикапов, два с пулеметами и здоровенный грузовик, старый, то ли китайского, то ли японского производства. Школа была окружена высоким, непросматриваемым забором из бетонных плит; со школьного двора поднимался столб дыма. Тут же стояли вооруженные автоматами люди, передавали друг другу «козью ногу». Бум, африканская марихуана.

– Так... делай, что я говорю – голос ганни Бунта был похож на скрежетание дна судна по гальке. – Сворачивай во дворы и ставь машину. Не делай ничего лишнего, не пытайся проехать мимо, просто сверни. Сейчас – ну!

Капрал свернул – излишне резко на взгляд ганни, но на него не обратили внимания.

– Проезжай спокойно. Ставь машину во дворы. Ничего не потеряно. Держи себя в руках, парень, ты из спецназа.

Капрал собрался – несмотря на то, что за ним не было ни одного боевого тура, он был бойцом спецназа морской пехоты США, прошел специальную подготовку, которая обычного человека запросто могла бы убить. Поэтому он взял себя в руки и делал то, что ему говорят.

– Стоп.

«Исудзу» остановился. Они были во дворе, забитом оставшимися без топлива машинами, на каждом балконе были антенны спутниковых тарелок. Везде играли дети...

– Черт бы их побрал, этих сукиных детей...

– Дай телефон...

Типп протянул телефон, точнее – аппарат спутниковой связи, способный работать и в режиме мобильного телефона, когда была сеть. Оставалось надеяться, что у майора Бродди, который ждет сейчас на Сан-Антонио – есть местный роуминг.

– На приеме, – ответил майор после третьего гудка. По-видимому, он был на открытой палубе – слышался шум вертолетных винтов.

– Сэр, это Чарли один, Палач – обозвался Бунт.

– Палач? Что там у вас происходит?

– Сэр, дело дрянь. В районе цели – вооруженные боевики, значительные силы танго, шесть транспортных средств, из них два – вооруженных. Численность противника значительно выше ожидаемой. Точка три скомпрометирована, работать там нельзя. Как быстро мы можем послать «Предатор»?

– Палач, ты что охренел? Это не Эй-стан, у меня нет «Предатора». Здесь работаем по старинке.

– Сэр, каково РВП для группы два? Я намерен кое-что сделать.

– РВП? Палач, ты что охренел? У меня нет санкции на вооруженное вмешательство. Мы должны сделать всё быстро и чисто, обезопасить иностранных граждан, но не подвергая риску ни их самих, ни местных. У нас нет санкции на вооруженное вмешательство, тем более – если там машины, вооруженные пулеметами. Я не хочу получить второе Могадишо.

– Так добудьте санкцию, сэр. Если мы ничего не сделаем, им тут голову отрежут, на хрен. Сэр, я намереваюсь занять позицию и провести первичную оценку объекта с тем, чтобы определить возможность силового вмешательства.

– Палач, не делай этого. Я свяжусь с местным министерством внутренних дел, у них есть надежные возможности. Мне совсем не улыбается потом вытаскивать из этой задницы тебя!

– Со всем уважением, сэр, всё что могут местные копы, так это стоять на дороге и взимать дань, вот всё что они могут. Если они припрутся сюда – заложников просто обезглавят. Мне нужны здесь взвод морской пехоты и пара вертолетов, не более, сэр. И задача будет решена. Гарантирую, что в районе цели ни один ублюдок не выстрелит по вертолету.

Майор помолчал.

– Ганни, дай мне час.

– Со всем уважением, сэр, полчаса не больше. Заложников могут перевезти в любой момент, и тогда мы их больше не увидим...

– Отбой... Будь осторожен, ганни.

– Удачи вам в борьбе, сэр.

Ганни Бунт и майор морской пехоты Колин Броуди хорошо знали друг друга. Более того – когда по дороге в БИАП² колонна попала под обстрел, именно ганни вытащил молодого офицера морской пехоты из горящей машины, не прекращая отчаянно отстреливаться. Так что майор помнил. И ганни – помнил.

Я знаю свой путь и несу свою ношу...

– Что у нас есть? – спросил Бунт.

– Ваша винтовка, сэр, – ответил Типп – моя винтовка, ручной пулемет и автомат Калашникова. Два фунта взрывчатки и двенадцать осколочных гранат, по четыре на каждого. Четыре Клеймора и две подрывные машинки. Личное и холодное оружие. Все...

Ганни тяжело вздохнул.

– Я прекрасно знаю, что это хреновое безумие, но нам нужно быть готовым решать ситуацию. Я иду наверх.

– Наверх, сэр?

– Вон там лестница. Пожарная. Отвлеките их внимание, пока я буду забираться наверх. Потом – возвращайтесь в машину, уезжайте и ждите сигнала. Насколько я знаю Броуди, он сделает все, что от него зависит.

Сержант и капрал молчали.

– Парни, мы морские пехотинцы Соединенных штатов Америки, и я горжусь тем, что служу в одном подразделении с вами. Здесь много всякой хрени происходит, и до этого много всякой хрени произошло. И я не удивлюсь, если по возвращении на корабль командование поймает нас в извращенной форме. Но черт возьми, парни, морпехи никогда и никого не оставляли в беде. Помните – «от чертогов Монтесумы и до пляжей Триполи³»? Нигде мы не оставляли никого в беде и стоит ли начинать сейчас?

Морские пехотинцы помолчали. Потом – сержант Типп сказал только одно слово.

– Да, сэр...

* * *

– Ты кому звонил только что, урод?

– Кому-кому... Какое тебе дело...

– Ну вот что... Я знаю кому ты звонил, козел. Если еще раз ты будешь звонить моей жене, я тебя убью. Клянусь Аллахом, убью.

– А если даже и так? Если ты не можешь, так что теперь, обоссаться? Я и буду с твоей женой вместо тебя...

² Багдадский международный аэропорт.

³ Неофициальный гимн морской пехоты США.

Двое выскочили из машины и один с ходу зарядил другому по морде. Второй что-то заорал и попытался ответить, но первый был начеку и отскочил. Как это обычно и бывает, в Африке любой скандал привлекает внимание, – и вокруг дерущихся чужаков моментально начала собираться толпа. Почти никто не работал – а поглазеть на бесплатный цирк желали многие.

Один из неизвестных тем временем прижал второго к борту и с размаха закатил по морде. Толпа взвыла.

– Вот так! Только попробуй еще с моей женой!

Сжатый кулак как аргумент в споре – чужд и африканским и арабским культурам. На африканский континент искусство сжимать руку в кулак и наносить ей удары привнесли белые колонизаторы, арабы же драться врукопашную за редкими исключениями не умели и в рукопашной были беспомощны (если только их не обучали драться в армии). Но те, кто собрался поглазеть на драку, не слишком то задумывались о том, что они видят, они вообще ни о чем не задумывались в жизни, даже о самых насущных и необходимых вещах, они жили той минутой, которой живут и не заглядывали дальше. Сейчас им было весело, и это всё, что их сейчас интересовало. Это всё, что им было нужно...

И никто, совершенно никто – не посмотрел себе за спину и не увидел, как пожилой, ловкий как обезьяна человек – быстро лезет по пожарной лестнице на крышу с большим рюкзаком и длинным ружейным чехлом за спиной...

* * *

Оказавшись на крыше, ганнери-сержант посмотрел вниз. Бесплатное представление закончилось – нокаутировав капрала, сержант засунул его бесчувственного в машину на заднее сидение, сел на водительское место и под приветственные крики африканцев – нажал на газ. Бесплатное представление закончилось – люди расходились...

Первое правило: проводи разведку. Определи уязвимые точки.

Ганнери-сержант прошелся по всей крыше, пригнувшись, чтобы его никто не видел с земли, тем более – от школы. Уязвимой точкой было то место, где он забрался и два люка, ведущие на крышу. Здания эти строили совсем недавно, в 90-е годы для людей с определенным состоянием, бедняки здесь не жили. У каждой квартиры был широкий и большой балкон; при определенной сноровке на крышу можно залезть с любого балкона – но вряд ли кто-то станет это делать. Сама же крыша подходила для его целей как нельзя лучше: плоская, с высоким бортиком, заваленная щебнем – для того, чтобы беспощадное африканское солнце не слишком грело квартиры на последнем этаже. Отлично...

Второе правило: обезопась свою позицию любым возможным способом. Не допусти, чтобы противник зашел со спины.

Оба люка он обезопасил очень просто: кусачками карманного инструмента откусил два куска от прочной, но гибкой проволоки, которую всегда носил с собой и завязал две петли, блокировав таким образом люки. Если будет критическая ситуация – он сможет в несколько секунд перекусить петлю и воспользоваться люком, а вот изнутри, со стороны подъезда здания открыть люк можно будет, только стреляя в него. Сложнее было с пожарной лестницей – он не нашел ничего лучше, как выдернуть чеку из гранаты и приложить ее там, где должен был ступать забирающийся на крышу человек. Это был опасный способ обеспечения своей позиции, потому что, как только он будет драпать, – он может сам наступить на свою же гранату: в критической ситуации, при перемещении под огнем много чего забываешь, он был свидетелем, как люди попадали под маневрирующую технику, подрывались на собственных растяжках. Но сержант-комендор Морской пехоты США Грегори Бунт не был сопливым салагой, он бывал под огнем столько раз, что паниковать и совершать ошибки не имел права. Если же он совер-

шит ошибку – то получается, что он всего лишь старый беззубый пёс и такая смерть будет ему в самый раз...

Правило третье: выбери лучшую позицию из возможных.

Выбирать тут было не из чего. Угол здания – школа и вся улица под обстрелом. Среда, богатая целями, твою мать...

Правило четвертое: подготовь свое оружие к бою. Имей в достаточном количестве снаряженные магазины, держи их так, чтобы они были под рукой. Всегда заботься о своем оружии.

Морская пехота США, несмотря на предельную эффективность своих действий, в военной машине США всегда была на положении пасынков. Юридически она относилась к флоту, но фактически – была четвертым родом войск и имела собственный штаб и собственного генерала в Объединенном комитете начальников штабов. Деньги ей всегда выделялись по остаточному принципу: так, совсем недавно запороли проект создания новых, усовершенствованных десантных кораблей, при том, что на новые авианосцы – деньги выделили. Таких примеров было полно: морским пехотинцам доставались буквально крохи, и удивительно, как эффективно они использовались...

Когда джентльмен из Флориды по имени С. Рид Найт основал фирму Knights Armament Mfg., и пригласил генеральным конструктором знаменитого создателя M16 Юджина Стоунера – самым удачным их детищем стала полуавтоматическая винтовка SR-25. До этого в США полуавтоматических снайперских винтовок на вооружении не было: M21 устарела и ее сняли с вооружения после Вьетнама, заменив на M40 (как потом оказалось, это была ошибка), немногочисленные спецподразделения закупали германскую PSG-1 по чудовищной цене в десять тысяч долларов за штуку. Была еще русская СВД, которую не воспринимали всерьез. Примерно в это же время небольшая фирма представила ArmsTech.300 – малоизвестную, незаслуженно забытую винтовку, представляющую собой охотничий Browning BAR под патрон.300 WinMag, переделанную в снайперский вариант с тяжелым стволом. Но наибольший рыночный успех выпал именно на долю SR-25, именно ей выпало сформировать и военный и гражданский спрос на полуавтоматические снайперские винтовки, стать образцом для подражания десятков других фирм, маленьких и больших, и снискать заслуженную славу в Афганистане и Ираке.

По иронии судьбы первыми полуавтоматическую снайперскую винтовку SR-25 заметили именно снайперы морской пехоты, которым нужно было мощное и точное оружие поддержки для средних дистанций. Но на закупку крупной партии таких винтовок не выделили денег: в 90-е казалось, что воевать больше негде, никто себе и в страшном сне представить не мог долгих годов GWOT⁴. Снайперы морской пехоты тогда поступили по-другому: на складах федерального правительства валялось несколько сот тысяч полуавтоматических винтовок M14 всех модификаций, а так же списанных снайперских винтовок M21. Их отправили в Куантико, в так называемый Precision Weapons Shop – оружейную мастерскую морской пехоты, где готовят снайперское оружие и оружие для соревнований по стрельбе. Там их отстреляли на точность, выбрали тысячу лучших и переоснастили, превратив в снайперские винтовки. Вместо стандартной – установили ложе McMillan с пистолетной рукояткой и прикладом с регулируемой щекой, установили сошки Харрис, на стволе сделали нарезку для крепления глушителя и поставили прицел Unertl, такой же, как на стандартной снайперской винтовке КМП США M40. Получившееся оружие обозвали M14DMR и официально – передали стрелкам, назначенным для дистанционного подрыва мин. Фактически же – это были назначенные стрелки, не снайперы, действующие в основном в одиночку – а назначенные стрелки для огневой поддержки мелких подразделений морской пехоты и подавления расчетов группового вооружения противника. Винтовка получилась что надо – надежность M14 в сочетании с новыми возмож-

⁴ GWOT – global war of terrorism, глобальная война с терроризмом.

ностями по точности. Она практически не уступала по возможностям ставшей потом почти легендарной Mk11mod0, военной снайперской винтовке созданной на базе SR-25.

Оружие комендор-сержанта Бунта внешне походило на M14DMR, хотя фактически им не являлось. Он создал его еще в начале 80х, когда считалось, что в полуавтоматическом снайперском оружии нужды нет. За основу он взял M14E1, вариант M14 в модификации легкого пулемета. Его деревянное ложе почти один в один соответствовало тому, которое потом выпустит McMillan в пластике для M14DMR – за исключением удобной передней рукоятки для удержания оружия. Ствол он поменял на заказной от Krieger с нарезкой для подавителя. Спусковой механизм ему заменили как раз в Precision Weapons Shop на тот, который использовался в спортивных модификациях M14, использовавшихся в соревнованиях по стрельбе. Глушитель или, если использовать правильный термин «подавитель» – он купил лично у Митчелла Ливингстона ВерБелла III, сына русского офицера кавалерии, солдата удачи, оперативника ЦРУ и основателя легендарной SIONICS, первой крупной фирмы, производящей глушители и оружие для специальных операций. Подавитель имел специальный замок и его можно было легко и быстро закрепить на стволе, а при необходимости снять. Единственное, что комендор-сержант не раз менял за эти годы – это прицел. Сейчас на его винтовке на специальном переходнике стоял прицел ACOG6*48, обычно использующийся на пулеметах. Комендор-сержант он привлёк широким полем зрения, позволяющим отлично стрелять по быстро движущимся целям и отсутствием лишних меток в поле прицела. Он выпустил за свою жизнь столько пуль, и по мишеням и по людям, что сейчас ему вряд ли нужна была сетка Mil-Dot для точного выстрела. Ее в прицеле и не было...

Лежа, чтобы не светиться на краю крыши – комендор-сержант быстро собрал винтовку. Пристегнул к ней двойной барабанный магазин – 100 патронов Black Hills, пули по 168 гран, ждут своей секунды. Машинально проверил свой пистолет в кобуре – заказной, от Unertl, рамка и затвор нержавеющей сталь, 10 патронов 45-го калибра в удлиненном магазине, взведен и поставлен на предохранитель, 11-й патрон дослан в патронник.

Готов.

Правило номер пять: действуй!

Ганнери-сержант достал что-то вроде перископа, выставил его над краем крыши. Он был уверен в том, что в критической ситуации сделает свой первый выстрел менее чем за две секунды и менее чем за тридцать – опустошит весь магазин, причем каждый выстрел будет прицельным. У него было еще шесть снаряженных магазинов, а так же несколько пачек с патронами, на случай если совсем припечет...

Твою мать...

Не отпуская перископа, сержант включил рацию на передачу. У него, как и у любого американского спецназовца, была система hands-free с микрофоном на гортани...

– Чарли один, это Палач, доложите свой статус...

– Палач, это Чарли один, – донесся голос капрала. – У нас все нормально, если не считать моего разбитого носа. Мы находимся примерно в трехстах метрах от тебя, южнее. Боеконтакта нет, но в городе беспокойно, повторяю – в городе – беспокойно.

– Чарли один, тебя понял. Здесь критическая ситуация, эти ублюдки собираются заживо сжечь гражданских. Я собираюсь вмешаться. Выйди на Сьерра-Альфа⁵, запроси поддержку и группу эвакуации. Объясни им, что я вмешаюсь в любом случае, эти подонки уже привязали заложников к столбам и сейчас подтаскивают топливо для хорошего костерка. Пусть поднимают машины. Сами – двигайте сюда, исходная – сто метров. Я расчищу вам дорогу...

– Окей, сэр.

– Чарли один, десять минут, не больше. Потом приступаем – в любом случае.

⁵ «Сан-Антонио», базовый корабль.

– Принято, сэр. Отбой.

Ганнери-сержант снова посмотрел в перископический прибор наблюдения на то, что творилось внизу. Пятерых белых – четверых женщин и мужчину – привязали наручниками к решеткам, защищающим первые этажи миссии – и ублюдки из Бока харам⁶ подтаскивали им под ноги книги – вероятно школьные учебники, собираясь плеснуть бензином и поджечь, когда скопится достаточное количество горючего материала.

Но нет... Хрен вам!

⁶ Бока – искаженное от Book, книга. Харам – грех. Получается: книга – грех. Террористическая организация, связанная с Аль-Каидой. С особой жестокостью убивает учителей, потому что считает – кроме как Корану дети не должны учиться ничему более.

Картинки из прошлого. 11 июля 1996 года. США, Калифорния. База морской пехоты США Кэмп-Пендлтон. Школа снайперов – разведчиков морской пехоты США

Ветер...

Ветер может быть твоим другом – а может быть злейшим врагом; в пару секунд он может обесценить годы твоего опыта, недели напряженной подготовки, 90 секунд напряженного размышления двоих людей над поправкой. Проммах особенно недопустим сейчас, когда решается продолжит обучение капрал Джейкоб Боншо в школе снайперов-разведчиков или нет.

– Пятнадцать секунд, курсант. Ты принял решение?

Сержант Грегори Бунт видел, что парню мешает его наводчик. По правилам, снайпер верит своему наводчику: слишком многое лежит на снайпере, недопустимо брать на себя чужую работу, когда есть шанс, что из-за этого ты не выполнишь свою. Наводчик обладает лучшим оптическим прибором, чем снайпер, перед ним ориентиры, он ведет записи – считается, что его поправка должна быть правильной. Но тут – сержант видел, что наводчик никуда не годится: из-за него парень уже промахнулся дважды и был на грани того, чтобы промазать в третий раз.

Кроме того, поднялся ветер. Деревья здесь высажены специально, чтобы усложнить ветер – но с ним и так бывают проблемы. Он поднялся внезапно: лучшие успели отстреляться, когда он едва шевелил флаг, а теперь – он бил порывами, самый плохой ветер, почти непредсказуемый. И те, кто не успел отстреляться при штиле – достреливали тест сейчас. Двоих они уже потеряли.

– Курсант, ты должен сам принимать решения – сказал сержант Бунт то, что не имел права говорить – прими решение и стреляй. Пять – четыре – три...

Снайперская винтовка M40A3 резко, отрывисто грохнула, посылая пулю в цель...

Секунда... Еще одна...

– Попадание! – объявил ганнери-сержант Тимоти Свэггер и, не глядя, записал результат в блокноте. – Отлично, Боншо, мишень номер 8, в самый центр. Чистая работа...

Остальные курсанты подошли ближе, чтобы поздравить Боншо, оставшегося с ними. Высокий, какой-то нескладный здоровяк с побережья Миссисипи, он был отличным морским пехотинцем – делал всё, что ему скажут, тянул лямку, на конце которой был любой груз и ни на что не жаловался. По мнению Бунта, из него мог получиться вполне приличный снайпер, поэтому он ему и подсказал – на самой грани допустимого.

– Так... собираем своё снаряжение, джентльмены – сказал сержант Бунт – если кто-то что-то здесь забудет, обратно побежит бегом. И если я вернусь в казарму и увижу хоть одну невычищенную винтовку, ланч не получит никто, ясно? Через десять минут – построиться у машин, время пошло!

Сержант подошел к руководителю стрельбы.

– Сэр, стрельбы окончены...

– Вижу... – пробурчал Свэггер, складывая свои записи в дорожную сумку, с которой никогда не расставался – отличная наводка, а, Бунт?

– Не понимаю, о чем вы, сэр...

– Все ты понимаешь. Помоги прибор уложить.

Вместе они уложили прибор наблюдения в жесткий футляр.

– Я вот удивляюсь одному, Бунт... – сказал ганнери-сержант Свэггер – я что-то ни разу не припомню, чтобы ты помог своему. Чернокожему. Зато ты частенько помогаешь белым. В чем причина, сержант? Так... мне просто интересно...

Сержант поколебался – за подобные разговоры сейчас можно было огрести большие, большие неприятности.

– Дело не в этом, сэр.

– А в чем же, а, сержант? Может быть, кто-то из белых парней спас твою задницу в Сомали, и ты сейчас отдаешь долг как можешь?

– И не в этом, сэр... – сержант Бунт замялся – просто, сэр, меня затрахало, что парни одного со мной цвета кожи прикладывают все силы к тому, чтобы быть дерьмом. Извините, сэр...

Ганнери-сержант пристально посмотрел в глаза своему подчиненному.

– Знаешь, парень... – сказал он – я чертовски рад, что ты выбрался из той заварушки в Сомали. Помоги-ка отнести мне вот это в машину...

* * *

Проверить, почистили ли курсанты винтовки, сержанту Бунту не пришлось. Едва их караван – школьный автобус, раскрашенный в цвет хаки и «Хаммер» инструкторов подкатили к казармам снайперов-разведчиков, они увидели стоящий у казармы седан «Шевроле-Каприс» и двоих сержантов с нашивками МР на рукавах.

– Военная полиция. Кто что натворил? – спросил Свэггер как старший по званию.

Все промолчали.

– Сержант Грегори Бунт, – безошибочно направились к нему военные полицейские, как только он вышел из машины.

– Так точно...

– Вы арестованы.

Ганнери-сержант Свэггер шагнул вперед.

– Сынок, а тебе не кажется, что ты должен дать кое-какие объяснения мне, как командиру этого засранца? За что ты его арестовываешь? Бригадный генерал Александер знает о том, что ты здесь творишь, а? Или ты позабыл навестить его штаб?

– Сэр, все это происходит с санкции начальника военной полиции базы.

– А мне плевать, с чьей санкции это происходит, парень. Это мои курсы, черт бы тебя дери. Я задал тебе прямой вопрос и рассчитываю получить ответ.

Говорят, что военные полицейские США – одни из самых подготовленных в смысле выживания в экстремальной ситуации. Потому что обычный полицейский арестовывает громил и драчунов из бара, а вот военный полицейский каждый день вынужден иметь дело с профессиональными убийцами, которых государство натренировало для защиты своих интересов. И чтобы иметь дело с ними – они должны быть на голову лучше их. И это было на самом деле так. Но не в случае с ганнери-сержантом Свэггером, который выжил на Грин-бич⁷ в десятке поединков со снайперами Амаля. Тем более, что один из инструкторов уже подошел сзади и заступил обратную дорогу к машине, да и курсанты были рядом, с оружием и настороже.

– Сэр... мы уважаем вас, и поэтому... если вы считаете нужным, вы можете поговорить с генералом Александером прямо из нашей машины.

– Да, сынок, я полагаю, что нужно это сделать.

Ганнери-сержант Свэггер, не спуская глаз с военных полицейских, подошел к их машине, выудил трубку новомодного мобильного телефона, коротко переговорил с кем-то. Вернулся он несколько озадаченным.

⁷ Грин-Бич, небольшой кусок пляжа в Бейруте, у самого международного аэропорта. Грин Бич и международный аэропорт – вот и все, что контролировали миротворцы во время своей миссии в Ливане. Снайперы морской пехоты практически ежедневно вели поединки со снайперами мусульманской, а иногда и христианской милиции.

– Похоже, что это и в самом деле... законно, – сказал он, – но, черт возьми, сержант, я выясню, что, ко всем чертям, происходит.

– Спасибо, сэр. Не стоит.

– Стоит. Черт побори. Держись.

* * *

Сержанта Грегори Бунта посадили в машину, после чего «шевроле» покатило по тщательно убранным дорожкам базы. Машина была гражданской, удобной – он заметил, что раньше она была белого цвета, двери покрасили, но вот с торца они остались какими и были, белыми. Они ехали на выезд из базы.

– Эй, парни, губа⁸ в другом месте... – пошутил Бунт.

– Прошу вас молчать, сэр, – отозвался один из военных полицейских, правда, без всякой злобы.

Молчать так молчать...

В рекордно короткие сроки они проехали КП на въезде на базу. Их даже не досматривали. Выбрались на дорогу – и рванули на север, как по дороге догадался сержант – на базу Билл. Эта база уже давно использовалась совместно ВВС, ЦРУ и НАСА, американским космическим агентством. Отсюда отправлялись в полет стратегические разведчики SR-71 и возможно – новые, типа «Аврора»...

На въезде на базу Билл досмотр был более строгим, им пришлось прождать полчаса, пока на сержанта не оформят какие то документы. Они прошли сначала обыск с помощью ручного сканера, а потом – под аркой, которая ловит несанкционированные передатчики. Проще говоря – жучки, которые могло подсунуть почившее в бозе КГБ.

Они проехали только до стоянки для машин обслуживающего персонала. Там его подхватили двое на белом «шевроле-Субурбан», они носили гарнитур hands-free с едва заметным микрофоном у уха и небольшие плоские атташе-кейсы. Как потом узнал сержант – там были пистолеты-пулеметы, но не «Узи» как у Секретной службы – а германские MP-5K, которыми пользовались все элитные американские части спецопераций. Это была какая-то элитная группа безопасности – то ли ВВС, то ли ЦРУ.

Изнутри «Субурбан», в который его усадили на заднее сидение, оказался еще более удивительным. В Европе большой популярностью пользуются пикапы, переделанные из внедорожников, кузов остается прежним, просто на месте задних окон – сплошная сталь и сидений нет. Здесь же – сиденья были и были даже окна, но как оказалось – это были фальшивые стеклянные панели, прикрывающие бронированные боковины. Сиденья были поставлены так: передняя пара по ходу движения, вторая – против хода как в президентском лимузине и еще две длинные скамьи по бортам, на которых могли поместиться четверо, а если потесниться – то и шестеро. Как потом узнал сержант – эти машины делались для доставки к самолетам экипажей САК – стратегического авиационного командования. Глухие боковины требовались для того, чтобы минимизировать воздействие поражающих факторов ядерного взрыва на экипаж ударного самолета.

Они ехали какое-то время: сержант весьма приблизительно представлял, куда они ехали, потому что он сидел спиной вперед и постоянно оглядываться тоже не мог. Затем – машина остановилась и ему предложили выйти. Они оказались у какого-то здания, невысокого, приземистого, двухэтажного, покрашенного в белый цвет. Как потом узнал сержант – а он не раз, отправляясь на задания, потом проходил инструктажи в этом здании – белый цвет и специальная краска тоже должны были минимизировать последствия ядерных взрывов, помимо двух

⁸ Гауптвахта.

надземных этажей существовали четыре подземных, а все стекла в этом здании, которые по ночам даже освещались – были обманкой, как и стекла в «Субурбане».

За дверьми оказался точно такой же блок-пост, бойцы охраны ВВС на нем были вооружены короткоствольными автоматами «Коммандо». Еще один досмотр, еще один поиск сначала металлических предметов, потом радиоизлучений. Вверху – стены выкрашены в зелёный цвет, но не хаки, а бледно-зелёный, на полу ковер, вытертый, но чистенький. Разведывательные фотографии в рамках на стенах, плафоны светильников в мелкой сетке – чтобы задержала осколки, если светильник лопнет при близком взрыве. Сразу понятно, что это здание не простое.

Около одной из дверей провожатые остановились, открыли дверь. На двери – как и следовало ожидать, ни таблички с именем владельца, ни даже номера.

– Проходим.

Сержант шагнул внутрь.

В просторном, хорошо освещенном кабинете с рельефной картой СССР на стене кабинета было несколько человек. Из них сержант Грегори Бунт знал только бригадного генерала Томаса Александера, офицера, лично в поле руководившего своими морскими пехотинцами во время «Бури в пустыне». Остальных он не знал. Двое были в форме морской пехоты со знаками различия майора и подполковника, еще один – офицер со сложенным под погон черным беретом, Бронзовой звездой и тремя «Пурпурными сердцами» – явно из командования спецопераций. Остальных он не знал. Двое были гражданские...

Генерал Томас Александер пошел ему навстречу – и сержант Бунт просто не знал, как вести себя в этом случае. Он видел генерала только на построениях. Бронзовую звезду ему вручал другой офицер, сейчас его не было в живых. Погиб при обстоятельствах, не подлежащих оглашению.

– Сержант Бунт. Верно?

– Да, сэр.

– Прошу к столу. Эй, найдется для сержанта чашка хорошего кофе, а?

Чашка немедленно нашлась. Не керамическая – а настоящего фарфора, сержант с опаской взял ее в руки, боясь разбить. Кофе был вкусным, настоящим, не растворимым.

– Просим прощения, что мы выбрали такой путь для доставки вас сюда, сержант, – заговорил один из гражданских, парень лет 30 с приятным, располагающим выражением лица, – но так будет лучше и для вас и для нас. Официально вы находитесь на пути в военную тюрьму в Форт-Ливенуорте и пробудете там некоторое время.

– Некоторое время, сэр? – переспросил Бунт, обращаясь к бригадному генералу Александеру.

– Время, достаточное для того, чтобы вы могли выполнить задание особой важности и секретности, сержант.

Бригадный генерал Александер махнул рукой.

– Секретность. Секретность с большой буквы С. Секретность такого уровня, что к ней нет допуска даже у меня. Я здесь нахожусь лишь для того, чтобы подтвердить – отдаваемый тебе приказ законен и еще я прослежу, чтобы по выполнении задания кое-кто не бросил тебя в полном дерьме, это понятно, сынок?

– Да, сэр.

– В таком случае, не буду вам мешать, джентльмены.

К удивлению сержанта, вышли все военные, кроме подполковника морской пехоты – и остались все штатские...

– Еще кофе, сержант?

– Не откажусь.

Кофе разливала девица в строгом сером костюме. Пока она не разливала кофе – она сидела перед небольшим чемоданчиком на столе. Прихлебывая кофе, сержант думал о том, что работа в ЦРУ имеет и свои плюсы. Например – вот эта девица, которая явно не откажется и в горизонтальном положении поработать. Этакая Мата Хари.

В отличие от своих сородичей, сержант Бунт любил почитать. И не комиксы.

– Марси, покажи ему, – велел ЦРУшник.

Девица открыла кейс, защелкала чем-то. Потом повернула кейс к сержанту – там оказался небольшой переносной компьютер. Они тогда только появлялись, стоили дорого, их обычно покупали для того, чтобы что-то писать и сохранять тексты. Книгу, к примеру, которую ты пишешь. Или меморандумы Госдепартамента США. Сержант не знал, что существуют компьютеры, которые позволяют показывать фотографии.

– Вам известен этот человек, сержант?

Сержант хорошо знал этого человека. Это был человек, которого они три года назад пытались убить. И который сам убил некоторых из его друзей.

– Айдид...

– Совершенно верно. Мохаммед Фарах Айдид, генерал-полковник армии Сомали, военный и гражданский лидер клана хабр-гадир, военный лидер действующих в Могадишо отрядов племенной милиции. Военный барон, торговец оружием, людьми, ответственный за смерть ваших товарищей. Вы помните их, сержант?

– Не надо мне напоминать, сукин ты сын, – с глухой злобой сказал сержант. – Сам-то ты где отсиживался? Может быть, это ты дал ту наводку вертолету, расстрелявшему жилой дом, а⁹?

– Сержант, вы забываетесь! – прикрикнул подполковник.

– Не нужно. Не нужно... Согласитесь, сержант, бывают и ошибки, верно? Да, мы ошиблись тогда.

– Проблема в том, что за ваши ошибки всегда платит кто-то другой.

– Сейчас наша задача сделать так, чтобы за свои злодеяния заплатил генерал Айдид. Мы не можем позволить этому мяснику хвастаться перед всем миром, что он убивал, пытал, похищал американских солдат – и остался безнаказанным. А что касается ошибок – вы знаете о том, что в Сомали снова бои, сержант? Как только мы ушли оттуда, они начали сводить счета друг с другом. За прошлый год, по нашим данным, погибли, остались без крова, были насильственно перемещены до миллиона человек. Вам не кажется, сержант, что наши ошибки ничто по сравнению с этим?

Разница в том, что они не пытаются говорить правильные слова, и выглядят хорошенькими...

– Возможно, вы правы, сэр, – примирительно сказал сержант Бунт, так не думая.

– Ознакомьтесь с этим. – Из-под полы пиджака ЦРУшник достал конверт. Синий, с красной полосой, на нем в верхнем правом углу написано *US White House Top Secret* – наивысшая степень секретности. – Откройте.

– Сэр, вы уверены, что я имею право это сделать? – обратился сержант к подполковнику морской пехоты.

– Открывайте, сержант, не заставляйте людей ждать, – ответил подполковник.

Сержант открыл конверт – там был только один белый лист бумаги. Заполнено на машинке, подпись, печать. Подписано было Уильямом Энтони Лейком, советником президента США по вопросам национальной безопасности.

⁹ Один из эпизодов военной миссии в Сомали в рамках миротворческой операции UNOSOMII Ударный вертолет Кобра выпустил шестнадцать ракет Тоу по жилому дому, где по данным разведки находился штаб генерала Айдида. На самом деле – там находились женщины и дети, погибло более восьмидесяти гражданских лиц.

– Ознакомились?

– Да, сэр.

– Верните.

Сержант вернул бумагу. ЦРУшник подвинул к себе пепельницу, смял лист бумаги в комок вместе с конвертом, положил комок в пепельницу, поднёс пламя зажигалки. Все присутствовавшие в комнате наблюдали, как огонь жадно накинулся на предложенную ему пищу и молчали, пока всё не прогорит...

– Вам поручается, сержант, за то время, пока вы будете находиться под следствием по обвинению в хищениях патронов и взрывчатых веществ, – проникнуть в Сомали в одиночку и убить генерала Мохаммеда Фарраха Айдида. Мы не можем позволить, чтобы он продолжал свою деятельность в Сомали, преступную по любым законам. И в то же время мы не можем позволить себе официального вмешательства. Один раз мы уже попытались помочь этому народу в открытую и выяснили, что чем больше морских пехотинцев США на улицах Могадишо – тем больше у этих ублюдков целей. Больше мы такой ошибки не допустим.

– Почему я? – спросил сержант.

– А почему бы и нет? Вы знаете местность, бывали там. Знаете язык?

– В пределах разговорника.

– Остальные не знают и этого.

ЦРУшник не сказал главную причину. Белому человеку проникнуть в Сомали, выполнить задание и уйти оттуда живым было практически невозможно. А из 300 снайперов-разведчиков морской пехоты США, как бы это не было неpolitкорректно, черными были только семь человек. И Бунт по совокупности критериев подходил лучше всех.

– Когда?

– Не раньше, чем вы дадите свое согласие. Нам нужен доброволец. Вас переправят на базу в Рамштайн, потом в Джибути, потом в Эфиопию. Там вас встретят наши люди и помогут добраться до границы. Дальше сами. Да... забыл сказать. По завершении операции вы получите повышение в звании. Но не сразу, придется немного выждать, присвоение воинского звания человеку, который только что побывал в военной тюрьме – будет выглядеть странно. То, что вы получите сразу, – это сто тысяч долларов США, чистыми, не облагаемыми подоходным налогом. Если у вас, у ваших родственников или друзей есть проблемы с жильем, с законом, с Грин-кард – мы так же можем посодействовать в решении этих проблем.

Сержант промолчал.

– Итак, сэр? Ваше решение?

Сержант не был дураком и хорошо понимал, что стоит на кону. Вопрос даже не в сотне тысяч. А в том, что обвинение, которое они изобрели – в случае отказа из прикрытия легко превратится в реальность...

– Я согласен, сэр.

– Вот и отлично. Об условиях работы на нас я уже рассказал. Работать будете в городе, по крайней мере, мы так думаем. Снайперскую винтовку купите на месте, на базаре, мы снабдим вас деньгами. Отправлять вас с оружием через границу слишком опасно. У вас будет два комплекта документов, хотя... там сначала стреляют, а потом спрашивают документы. После провала миротворческой миссии у нас в городе осталась довольно приличная агентурная сеть, она выведет вас на цель. Мы сделаем всё, чтобы помочь вам. Путей эксфильтрации два. Первый – у вас в комплекте документов будет паспорт моряка. Небольшой траулер будет ждать вас на рейде, вам нужно будет только купить или украсть лодку... в принципе можно даже вплавь добраться. Второй – вы должны будете подать сигнал тревоги после того, как выберетесь из города. Эскадренный миноносец «Джон Пол Джонс» крейсирует у побережья, на борту будет

группа морских пехотинцев из DAT¹⁰ со специальным заданием, при необходимости они воспользуются вертолетом. Почести – по возвращении, в полном объеме. Но если вы провалитесь – мы не сможем вам ничем помочь, и мы не признаем, что вы работали на нас. Мы будем все отрицать. Вопросы, сержант?

Сержант прикинул свои шансы вернуться. Кое-что его и в самом деле интересовало.

– Два вопроса. Первый – местной резидентуре уже сообщили о моем появлении?

Умник посмотрел на девицу, та качнула головой.

– Нет.

– И не стоит. Если сообщите – я немедленно прерываю миссию. Это ясно?

Умник упрямо тряхнул головой.

– Сержант, я прекрасно знаю, что представляют из себя морские пехотинцы, но не стоит считать себя одиноким ковбоем. Поверьте, у нас широкие возможности там.

– Это у меня широкие возможности – закончить свою жизнь с перерезанной глоткой. Или еще похуже. Половина ваших агентов – дует в обе стороны. И поскольку я не знаю, какая именно половина – пусть я лучше останусь одиноким ковбоем и так и останусь в неведении относительно пределов ваших возможностей.

Умник с недовольной миной кивнул головой.

– А второй вопрос?

– Второй... это не вопрос, это скорее пожелание...

– Какое же? – умник сделал стойку.

– Иди ты в задницу, парень...

¹⁰ Direct action team – спецназ морской пехоты, задачи – разведка и диверсии в глубоком тылу, спасение пленных и заложников из враждебного окружения.

15 июля 1996 года. Аддис-Абеба, Эфиопия

Международный аэропорт Аддис-Абебы, еще пару лет назад выглядевший жалким и заброшенным, преобразился на глазах. Сержант хорошо это знал, потому что два года назад они вели кое-какие операции, опираясь именно на Аддис-Абебу и приграничные города. Тогда страна только-только отошла от ужасов гражданской войны. «Красный император» Менгисту Хайле Мариам пришел к власти, свергнув и убив старого императора Менгисту Хайле Селассие, правившего страной со времен нашествия итальянских фашистов. При нем в стране началась гражданская война и голод. Только позиция США, после прекращения советской помощи обеспечившая плавный переход власти в руки народа и вывезшая Хайле Мариам на военном самолете в Зимбабве, обеспечила относительно мирное развитие этой истерзанной коммунистами страны. В сущности, в конце 80-х у Сомали и Эфиопии ситуация была почти схожая. Просто в одном случае вмешательство американцев уберегло страну от падения в пропасть, а в другом – нет. Иногда сержант думал, что надо было поддержать этого сукина сына Айдида, чтобы он объединил страну и прекратил кровопролитие. Но приказ есть приказ – вместо этого, он летел в страну, чтобы его убить.

Его перебросили на базу в Рамштайн, главную базу американской армии в объединенной Германии. Советские войска из страны были выведены два года назад, американцы тоже сидели на чемоданах. Конгресс урезал военный бюджет, и базы американской армии в Германии были одним из самых ненужных военных сооружений в истории. Лётчики в основном сидели в германских ресторанчиках, ели колбаски и дули пиво, ни одного «Авакса», вообще ни одного разведывательного самолета на базе не было. Истребителей тоже стало намного меньше, зато было много транспортников. Сержант пересёкся с одним парнем из разведки морской пехоты; они пропустили по банке пива и откровенно поговорили между собой. По его словам, он был завербован ЦРУ и переброшен в Хорватию, где в качестве военного советника принимал участие в операциях «Молния» и «Буря», по ликвидации сербских анклавов на территории Хорватии. По словам этого парня, и сербы, и хорваты совершали многочисленные военные преступления, он собственными глазами видел, как оставшихся в деревне людей загнали в большой дом и подожгли. Видел он и то, как сербы обстреляли ракетами Загреб и там тоже погибли люди...

Потом – из Вашингтона пришло распоряжение и двое служащих военной полиции отвезли его в Франкфурт. Там он сел на самолет до Аддис-Абебы. При нем были деньги, американский паспорт и больше ничего...

В Аддис-Абебе он быстро прошел таможеню по «зеленому коридору», заплатив пятьдесят долларов таможеннику. Вышел из аэропорта, кликнул такси...

Такси здесь были необычного цвета, такой он встречал только в некоторых странах Латинской Америки и то не повсеместно. Не желтые, не бело-красные как на востоке – а белосиние, цвета синего как небо. Обычно синий цвет резервируется для полиции. В основном в такси здесь работали советские машины «Лада» с круглыми фарами, маленькие и не слишком комфортабельные, но идти – это совсем не то, что ехать. Машин на дороге тоже стало больше с тех пор, как он был здесь последний раз – но не слишком. Таксометра в такси не было, и водитель называл сумму в зависимости от своего настроения и того, насколько денежным ему казался клиент. Сержант поторговался немного – и водитель согласился отвезти его в центр города за две тысячи быров. Курс, как и два года назад был фиксированным – за один доллар пять тысяч эфиопских быров; в стране после коммунистов свирепствовал инфляция. Сколько составлял уличный курс, сержант не знал, но судя по довольному лицу водителя – тот наварил...

Улица была грязной, плохо прибранной. Он помнил, в каком месте по дороге от аэропорта стоит сгоревший танк – но сейчас его не было, видимо, отвезли на металлолом. Зда-

ния по дороге из аэропорта были в основном коммунистической постройки, унылые бетонные коробки. Эфиопы выходили из положения с помощью ярких красок, на первых этажах проби-вали двери и устраивали лавки по торговле всякой всячиной. Народа на улицах было довольно много, но было видно, что все очень бедны – торговля шла вяло, многие просто присматри-вались.

Вот и еще одна страна, которую в свое время отдали на откуп коммунистам...

По мере того, как они продвигались к центру города – архитектура менялась, коммуни-стам здесь не удалось совершить свое черное дело и изуродовать город бетонными скворечни-ками. Здания в центре напоминали о том, что это очень развитая страна Африки, она нико-гда не была колонией, дважды ее пытались захватить итальянцы и оба раза неудачно. Сержант вспомнил – он слышал, что взбунтовавшийся подполковник Хайле Мариам положил на лицо своего престарелого императора подушку и сел сверху – так, по крайней мере, говорили по CNN. И он не помнил, чтобы кто-то говорил о смерти того урода. Возможно, когда-нибудь перед ним положат фотографию этого урода – и он с радостью исполнит приказ...

– Кусимама хапа, – сказал сержант на универсальном суахили. – Остановите здесь...

Водитель остановился – и он вышел. Огляделся по сторонам. Сотовой связи здесь, конечно же, не было – среди местных едва ли найдется и тысяча человек, способных платить за сотовый, Дерг¹¹ выжал страну досуха. И он мог поставить сотню баксов против цента – что нормального уличного таксофона здесь днем с огнем не сыщешь.

Вздыхнув, сержант отправился на поиски телефона. Ему надо было позвонить в амери-канское посольство, и он рассчитывал, что один из лавочников соблазнится пятеркой баксов...

* * *

Встречу назначили на северо-востоке города, у ипподрома. На улице России¹².

Увидев машину, сержант выругался сквозь зубы. Ну конечно – как же ещё! Шикар-ный черный «бьюик-электра-225», который американский Госдепартамент закупал для своих дипмиссий в третьих странах. Видимо, сначала на нём ездил посол или один из атташе, потом эту машину отдали для использования в качестве разъездной. Среди мотоциклов, японских джипов и микроавтобусов, советских автомобилей – роскошная черная «Электра» выглядела как инопланетный космический корабль, совершивший посадку посреди всего этого убоже-ства. У ипподрома было много людей – и сержант, рассчитывающий благодаря своей черной коже смешаться с толпой, получил обратный эффект. Теперь полгорода будет видеть, как он садится в машину посольства США. И если он не уберется как можно быстрее – его запросто могут убить, или похитить...

Чертовы идиоты...

Накинув куртку на голову – он бросился к американской машине. Его встретил писто-летный ствол сорок пятого калибра, направленный в него поверх пригнутого стекла.

– Свой, идиот!

– Все нормально, Грег, опусти оружие.

Сержант ввалился на заднее сидение, потеснив сидевшего рядом оперативника ЦРУ.

– Поехали, что стоим!

Но быстро поехать было невозможно – видимо, кончились скачки, и народ повалил на улицу. Почему то именно там, где нечего жрать, люди очень любят разные публичные зрелища

¹¹ Компартия Эфиопии.

¹² У Российской Империи и Эфиопии всегда были особые отношения, потому что Эфиопия – одна из немногих стран мира, где исповедуют православие. Еще в 19 веке русские первые заключили союзный договор с Эфиопией, поддерживая ее после разгрома итальянских колониалистов, открыли первую больницу. Если бы не революция, Эфиопия могла бы стать если и не частью России, то надежным плацдармом с военными базами русской армии в Африке.

и развлечения. Впрочем, возможно одно влечет за собой другое: нежелание работать и изменять мир вокруг себя как раз ведет к нищете и голоду...

– Посигналь! Давай же! – нервно приказал ЦРУшник.

– Не делай этого, – резко сказал сержант – если не хочешь, чтобы нашу машину перевернули! Не привлекай к себе внимания.

– Сэр? – беспомощно сказал сидевший на правом пассажирском коротко стриженный здоровяк, явно морской пехотинец из охраны посольства...

– Нет, не делай этого, – решил ЦРУшник. – Ждём.

Несмотря на то, что сержант всего лишь проходил военные курсы обучения для активных действий в Африке и имел некоторый опыт активных действий в Сомали и на юге Африки – было очевидно, что в ситуации он разбирался лучше, чем местный ЦРУшник, который здесь жил и вроде как должен был знать ситуацию в деталях. Вот так и получается всё такое дерьмо, что потом спецназу морской пехоты приходится эвакуировать посольство или разыскивать американца, похищенного после бела дня. Или то, что от него осталось...

Сержант прикрыл глаза. Перед глазами поплыли картины... он не хотел их, но они приходили к нему вновь и вновь. Пыльная, грязная улица, нищие домишки, лавки, разбитые машины и разъяренная толпа местных чернокожих, с криками несущаяся по улице как приливная волна. Сибилая с ног, переворачивающая, убивающая, поджигающая все на своем пути.

И он – на «Хаммере» у крупнокалиберного пулемета – единственное, что стоит между толпой, складом с продовольствием и несколькими подонками из ООН, которые очень даже неплохо устроились, толкая за доллары гуманитарку местным перекупщикам и давая повод местным муллам говорить в мечети, что на их землю пришли завоеватели, что страну продали с потрохами. А когда пришла пора отвечать – они спрятались за спину американского солдата.

Твою мать!

– Вы говорите на амхари?

Сержант открыл глаза. Толпа схлынула, они продвигались вперед, хоть и не быстро. С неровностями местной дороги полностью не справлялась даже мягчайшая подвеска Бьюика.

– Нет.

– В таком случае, Грег пойдет с вами до границы. Он знает язык.

О, Боже...

Грег был белым. И этот придурок в костюмчике – он тоже был белым. Сержант представил, как они высаживаются из машины, он и этот белобрысый здоровяк у контрольно-пропускного пункта на границе. Пыль, рев мулов и изношенных до предела дизельных грузовиков, снующие повсюду малолетние дети. И беженцы из Сомали, глазами которых можно резать мясо. И все они смотрят как белый и черный пожимают друг другу руку, напевая под нос американский гимн.

Интересно, вот этот «разведчик» – он хоть понимает, какой он придурок? А его шефы из Лэнгли понимают, какие они придурки? Направить белого в Африку заниматься разведкой. И в то же время – сержант знал чернокожего морского пехотинца – которого отправили в Москву, в охрану посольства – а охранники посольства часто выполняли мелкие поручения разведки и выполняли функции силового прикрытия. Негр в Москве – как прикрытие! Неудивительно, что на одном из рынков его сильно избивали...

Впрочем, это еще не самое крутое. Резидентом ЦРУ в Аддис-Абебе вообще была женщина, Лесли Шед¹³. Назначать женщину начальником станции на континент, где в племенах

¹³ Имя подлинное.

воины выходят танцевать голыми, чтобы все видели размер их хозяйства, где женщину вообще не считают за человека – это сильно...

– Я говорю на суахили, – сказал сержант – и кое-что знаю из сомалики. Этого вполне достаточно. До границы я пойду один, и после границы – тоже пойду один. Просто передайте мне то, что пришло дипломатической почтой, и доведите обстановку. Это все.

Белый сотрудник ЦРУ достал пухлый конверт, передал сержанту. Тот открыл, проверил. Все как надо – эфиопские быры, кенийские шиллинги – в Сомали своей валюты не было, нужна была валюта соседних стран. Несколько золотых рэндов Крюгера – самая уважаемая валюта на континенте, один рэнд Крюгера стоил сто семьдесят долларов США. Доллары – после ухода американцев доллары в Сомали остались. Паспорт – Демократическая республика Конго, на имя М'Буки Тонго. В Конго сейчас неспокойно, проверить его подлинность почти невозможно, да и кто это будет делать. Несколько виз самых разных африканских государств, подтверждающих то, что владелец паспорта много ездит по континенту. Сомалийской визы не было, потому что ее некому было выдавать. Государства больше не было.

Несколько фотографий...

– Каким годом сделана эта фотография? – спросил сержант, поднимая фотографию Мохаммеда Фарраха Айдида.

– Девяносто пятый. Более поздних фотографий нет. Сделана китайским репортером, Айдид тогда решил, что ему ничего не угрожает, и решил дать несколько интервью. Этот подвенок в шаге от того, чтобы установить в стране диктатуру. По опыту других стран – мы знаем, что за ней последует геноцид. Собственно, он уже идет.

– Геноцид кого?

– Некоторых племен, принявших чистый ислам в противовес тому, что бытовал в Сомали до этого. Вы, вероятно, знаете, что ислам в Сомали сильно искажен, это скорее смесь ислама, традиционных верований Африки, и кое-что они позаимствовали из католичества и христианства. Генерал Айдид и его племенная милиция сейчас физически уничтожают носителей чистого ислама, в основном беженцев, бежавших из страны в конце 80-х и сейчас вернувшихся. Идет жестокая борьба за власть.

И Америка в этом хочет поучаствовать, делая ставку на вернувшихся в страну беженцев, которые жили в странах Персидского залива и приняли там «чистый ислам». Просто здорово!

– А это кто?

– Его основные полевые командиры. В основном, они сейчас в Могадишо, контролируют различные районы города.

– А где сам Айдид?

– Вероятно, в Могадишо.

– Вероятно?

– Мы не знаем. У нас практически оборвалась связь с тех пор, как в Могадишо снова начались бои. Кое-какую информацию мы получаем со спутников, но она сама понимаете...

– Понимаю. Что за бои?

– Они идут по всему городу, в основном в южной его части, в районе Медина. Исламская милиция – против племенной милиции хабр-гадир. Вот еще кое-что.

Сотрудник ЦРУ достал еще один конверт с красной полосой. Совершенно секретно.

– Это данные о наших агентах. Тех, которые выходили на связь в этом году и должны находиться в Могадишо. Но там ли они и живы ли они вообще – мы не знаем...

Сержант внимательно посмотрел на фотографии, перечитал дела агентурной разработки, запоминая процедуры связи. Затем рассовал полученные деньги в пластиковый пояс, пару крупных банкнот сунул в обувь, в специально оборудованный тайник. Затем – попросил подбросить его поближе к Асмара-маркет, но не на самый рынок...

17 июля 1996 года. Сомали, неконтролируемая территория. Дорога на Байдоа...

Попасть в Могадишо можно было двумя путями. Точнее даже тремя. Первый – высадиться с траулера или лодки – но делать это надо было в порту, контролировавшемся агрессивными боевиками. Второй – на эфиопской или кенийской территории за бешеные деньги взять машину – но в таком случае, все сразу поймут, что у него есть деньги. Сержант Бунт – выбрал третий, наиболее разумный и безопасный путь.

На Асмара-маркет он купил некоторое количество различной одежды, то ли китайского, то ли местного производства. Сложил их в две громадные сумки – такие, какие он мог унести в одиночку. Еще он купил термос, несколько бутылок с водой, лепешек и некоторое количество сушеного мяса. К боку – прилепил липкой лентой пистолет ТТ, купленный здесь же у подпольного торговца оружием, вместе с двумя запасными магазинами и двумя коробками с патронами. Пистолет он не отстрелял, как полагается делать с любым свежкупленным оружием – но разобрал, осмотрел его и нашел вполне исправным. Отстреляет при первой возможности. С двумя громадными сумками он подошел к стоящим на окраине рынка грузовикам. Ему не составило труда найти те, которые направлялись в Могадишо – потому что в Могадишо они направлялись почти все. За несколько банкнот ему досталось место на одном из таких грузовиков...

Грузовик был старым, но надежным. «Берлье» марокканского производства – во Франции такие уже не производились, а вот в Марокко завод по их производству всё ещё сохранился. Трехосный, с большим, заканчивающимся полукруглым выступом капотом, с массивным кожухом песочного фильтра, он напоминал о тех временах, когда Франция еще была великой державой и играла в жизни черного континента не меньшую роль, чем Великобритания и СССР. Машину грузили под верх – борта были специально наращены и таких сумок, какие были у сержанта, в машину поместилась, наверное, пара сотен. Торговцы, которые ездили за товаром в Могадишо, закупали товар тоннами, на его машине был, например, товар только трех торговцев. На него они покосились, но ничего не сказали. Решили, что он либо родственник водителя, либо простой человек, крестьянин, которому надо оправдать путешествие в Могадишо, потому он и купил товара, чтобы продать там втридорога. В Африке ценят оборотистость и сержант на фоне гигантов черного рынка выглядел совсем жалко. Но они ничего не сказали – просто забрались на самый верх по приставной лестнице, а один из торговцев, дополнительно приплативший за комфорт – полез в кабину. Двое остальных презрительно покосились на него – сочли, что он тратит деньги на лишнее...

Тронулись...

Дорога была ухабистой, но больше десятка тонн товара, в основном трикотажа – хотя встречалась и дешевая аппаратура – отлично амортизировали все неровности и они плыли как на пароходу, в трех с лишним метрах от земли. Все закрыли лица шейными платками и надели очки – чтобы дорожная пыль не лезла в нос и не попадала в глаза. Сержант сделал то же самое – потому что на рынке он присматривался, кто как себя ведет и у кого что есть. И делал так же.

Дорога шла кругом – чтобы добраться до Дулу, основного приграничного города на сомалийско-эфиопской границе, надо было делать большой крюк и потом ехать параллельно границе. Эфиопия была страной гор, если бы не это, она, скорее всего, была бы завоевана итальянскими колонIALистами, мечтавшими возродить Римскую империю. Горы были необычного цвета – не серого, не песочного, не коричневого, не черного – а глиняного, почти как кровь. Горы были обжитыми – то тут, то там были деревушки, видимо – здесь всё же можно что-то выращивать...

Так, неспешно, но без остановок и поломок – они добрались до Дулу, ворот в Сомали.

В Дулу они сделали первую остановку. Как понял сержант – торговцы должны были узнать по ценам и по тому, стоит ли рисковать и везти товар дальше. Или все же рисковать не стоит и лучше подождать здесь. Большие наценки здесь всего лишь окупали смертельный риск: можно было одну ходку пройти тихо-мирно, а во время другой лишиться и товара, и денег, и жизни...

Торговцы пришли веселые, оживленные. Один из них – что-то прикупил здесь, приторочил поверх остального товара...

* * *

Больше всего, сержанта поражало какое-то безразличие африканцев в сочетании с безумной яростью, причем путь от одного состояния до другого занимал несколько секунд. Обычный, мирный спокойный общинник мог взбеситься от неосторожно сказанного слова, броситься на тебя с ножом или серпом и только несколько пуль могли помочь тебе остаться в живых. Он смотрел на беженцев, одетых в какое-то рваньё, тощих, часто босоногих, не имеющих даже самодельных сандалий с подошвой из покрывающей и думал: эти люди разрушили свою страну. Они начали разрушать ее сознательно, Сомали не была нужна ни США, ни СССР, они сами устроили в стране гражданскую войну. Они несколько лет воевали, а после того, как американцы пришли, чтобы помочь им – стали нападать на американцев и убивать их. Они грабили склады гуманитарной помощи и так предназначавшейся для них. Они убивали американцев, которые если чего и хотели, так это навести порядок и передать власть в стране местной администрации. Они слушали местных проповедников и вождей, говоривших, что американцы пришли сюда, чтобы грабить и поработать их – Господи, было бы, что здесь грабить. И после того, как они добились своего, после того как американцы ушли – они продолжили грызню уже между собой, убивая, грабя, угоняя в рабство. И если вновь придут американцы, они снова объединятся против них и дети, играющие с палками – представляют себя воинами. Воинами – при том, что война нанесла этой стране и этому народу такой вред, примеров какого было мало в истории.

Что же это за люди...

Он машинально достал из холщовой сумки лепешку, отломил от нее и принялся жевать. Затем – кинул в рот кусочек вяленого мяса...

Кто-то толкнул его в бок.

Он обернулся. Один из торговцев, самый молодой – предлагал ему кусок курицы, поджаренной в земляной печи. Курица была тощая и жилистая как подметка – но это было свежее мясо...

Такое было редкостью в Африке, тем более с совершенно чужим человеком. Сержант поблагодарил соседа, приложив ладонь к сердцу и наклонив голову, потом достал еще одну лепешку, с припеченными маленькими кусочками мяса и зелени, разломил пополам и предложил торговцу. Тот не отказался...

Путь обещал быть долгим и друзья – нужны были каждому...

Торговец оказался словоохотливым, тем более что он знал суахили, универсальный язык Африки, нужный, если ты ведешь торговлю. По его словам – эта дорога относительно безопасна, потому что всем нужно что-то есть и во что-то одеваться. Кое-какое пропитание вырабатывают и в самом Сомали, в частности, неприхотливое сорго, идущее на кашу и на пиво из сорго. Такое пиво очень популярно, потому что никаких других спиртных напитков нет. Хотя нет, есть самогон из сахарного тростника. Немного ловят рыбаки, но немного, потому что хранить улов негде – нет электричества, в холодильниках, которые когда-то построили белые, теперь живут беженцы. А вот мясное животноводство – когда-то сомалийское мясо шло на экспорт в страны Залива – пришло в совершеннейший упадок. Барана, овцу или бычка – легко

угнать, легко отнять и зарезать, чем все самозабвенно и занимались. И года в три мясного животноводства в Сомали не стало. Равно как и молочного – дети не знали, что такое молоко.

Что же касается всего остального, то торговля, какая-никакая, но есть. Хорошо идет примитивная, из ярких тканей одежда. Большим спросом пользуется обувь – причем спрос этот возрастает. Если раньше этот спрос частично удовлетворялся за счет сандалий с подошвой из автомобильной покрышки, то теперь не осталось ни покрышек, ни машин. Обувь в Африке всегда будет большой ценностью, потому что ее сложно сделать самостоятельно, намного сложнее, чем одежду. Спросом так же пользовались радиоприемники – телевидения больше не было, все телестанции сожгли и разграбили, осталось только радио. Наиболее популярным – как и во времена американского присутствия в стране – было Радио Могадишо.

Что же касается самого Могадишо – то обстановка была беспокойной. Среди тех, кто держал город, не было единства, боевые формирования клана хабр-гадир были сильно потрепаны боями с американскими солдатами и сейчас всё больше и больше влияния захватывали себе исламисты. К исламистам молодой торговец относился резко отрицательно, потому что они требовали платить на джихад, запрещали давать в долг под процент и объявляли внебрачную половую связь преступлением, за которую женщину следовало забить камнями. Для него, как для молодого человека, такие правила не были приемлемы. Кстати, торговца звали Салим и он торговал не сам по себе, а от клана Абгаль, входившего в одну племенную группу с хабр-гадир, которая называлась Хавайя. Торговать поодиночке было просто невозможно, и не потому, что у тебя отберут товар, а просто потому что не дадут места на рынке. Когда торгует клан – всё намного проще. У клана есть система взаимопомощи – торговец, потерявший товар в огне или от рук грабителей получит достаточно денег от клана, чтобы начать дело заново. У клана есть проплаченные места на рынках, есть собственные вооружённые формирования, есть водители и есть собственные контакты на дороге, позволяющие доставлять товар. В общем, торговать иначе как от клана было совершенно невозможно, и торговец Салим, делавший свою третью ходку за товаром, сильно волновался. Потому и потянулся к незнакомому и примерно одного с ним возраста человеку. Он объяснил, что дорога долгая и хочется поговорить, а другие торговцы не станут с ним разговаривать, потому что он еще не заслужил уважения в их глазах...

Так они ехали по дороге на Байдоа, за которым был уже Могадишо. Дорога была в скверном состоянии, но кое-как подлатанная вручную, у дороги стояли торговцы, предлагавшие кто бензин из бочки, кто нехитрую снедь, кто воду. Система орошения – а при римлянах здесь выращивали пшеницу – была разрушена, и пейзаж был уныло однообразным, жёлто-коричневым. Поселения были нищими, даже дома тех, кто не был беженцем, выглядели на удивление убого. В одном месте они видели остатки чего-то, напоминающего римский храм. Кое-где попадались машины с крупнокалиберными и обычными пулеметами в кузове, с отрядами боевиков. Какие-то стояли на обочине, какие-то проезжали мимо. Но их не трогали.

Пока...

* * *

Напали на них уже у самого Байдоа. Пикап с вооруженными людьми и пулеметом в кузове обогнал их – и короткая автоматная очередь распорол воздух прямо над ними, заставив их распластаться наверху кузова, поверх товара, который они везли.

Грузовик начал тормозить.

– Что это...

– Иттихадовцы... – выругался Салим – только ничего не делай. Аллах выручит нас...

Грузовик затормозил.

Сержант напряженно слушал. Шаги по асфальту... тяжелые ботинки, нормальная подошва, не самодельные, как это здесь бывает. Хлопок двери кабины, такой лязг – как две пустые консервные банки столкнулись. Разговор.

– Аллаху акбар!

Треснула короткая автоматная очередь, затем еще одна.

– О, Аллах...

Сержант рванул клейкую ленту, бок обожгло болью от содранной кожи, но еще хуже – получить в бок пулю. Толкнувшись рукой, он встал на колени и первым же выстрелом снял пулеметчика у пулемета. Пулеметчик допустил ошибку – он больше боялся того, что кто-то отнимет у них законную добычу, и держал пулемет, направленным в сторону дороги. Развернуть его он не успел – пуля Токарева ударила его в затылок, брызнула кровь.

Вторую пулю сержант послал туда, где в кабине пикапа должен был сидеть водитель. Токарев, если разобраться, отличный пистолет: с Кольтом он бы поостерегся стрелять в металл, зная, что там будет еще и сидение – а вот Токарев с его быстрой и мощной пулей небольшого калибра – прошьёт с гарантией. Но террористы были и возле грузовика, поэтому он кувыркнулся назад и вправо.

Террористы тоже совершили ошибку, хотя не совершить ее было сложно. Они остановили грузовик, согнали его на обочину – и он остановился, обочина была справа. Водитель – слева и дорога – слева, разумнее всего обходить грузовик слева. Тем более, что справа – обочина, туалетов на дороге нет и она... как бы это выразиться – заминирована. Таким образом – в секунду сержант Бунт оказался в безопасной зоне, между ним и автоматчиком был грузовик и двенадцать тонн товара.

Плюхнувшись на землю, он расстрелял по ногам чернокожих боевиков – исламистов всю обойму. Вбил в пистолет новую – и сделал два выстрела в выскочившего с пассажирского сидения пикапа боевика – того отбросило на спину. Добил тех, кто был на земле с простреленными ногами.

Всё...

Воняло – просто омерзительно. Упал в самое дерьмо – но как говорил их дрилл-инструктор: лучше валяться в грязи, чем в собственной крови.

У кабины лежал убитый шофер. Один из торговцев с какими-то бабьими вскриками терзал одного из убитых террористов ножом – видимо, родственник. Сержант поднял автомат, показавшийся ему самым новым, повесил его на плечо. От второго – отсоединил магазин. Пошел к машине, обыскал водителя, пассажира и пулеметчика. Нашел карманный Коран, немного денег – медные монеты ОАЭ, интересно это кто это здесь ими рассчитывается? У пулеметчика – хорошие пулеметчики здесь ценились – оказались быры. Напоследок – он открыл бензобак и дважды выстрелил в него.

Машина вспыхнула...

Когда сержант Бунт поднялся наверх, чтобы ехать дальше – один из торговцев, пожилой – протянул ему новый, на вид приличный джинсовый костюм. Жестами показал, что не мешало бы переодеться...

19 июля 1996 года. Сомали, Могадишо. Рынок Бакараха

Сержант Грегори Бунт неторопливо, несуетно шел по оружейным рядам рынка Бакараха, присматриваясь к товару...

Товар был самый разный, вплоть до карабинов М4, которые могли быть в руках у американцев, погибших в результате неудачной попытки захватить генерала Айдида. Обычных автоматов Калашникова китайского производства, ракетных установок РПГ – пруд пруди. Но сержанту нужно было кое-что особенное, и потому он не спешил делать покупку.

Пистолеты пользовались здесь особой популярностью, потому что они были предметом первой необходимости, их можно было носить за поясом, не особо обременяя себя лишним весом и не занимая руки – и в то же время быстро и эффективно применить в уличной перестрелке. Доминировали пистолеты местного африканского и китайского производства. Много было ТТ, таких же, какой был у сержанта, китайских, югославских, самых разных модификаций. В том числе с дополнительным предохранителем. Из Египта ввозили производившиеся там «Беретты» старого образца с однорядным магазином, из Судана – местные копии CZ. Немало было русских Макаровых – их поставляли сюда русские почти бесплатно и они быстро расходились по рукам. Были и Кольты -1911, тоже китайские, и револьверы, судя по клеймам – югославские. Единственное, что он увидел необычного: Смит-Вессон 686 с деревянной рукояткой, хромированный и с шестидюймовым стволом. Откуда он здесь взялся – Бог весть. Или Аллах.

Пистолетов-пулеметов почти не было, видимо потому, что пистолетные патроны довольно дороги. Он увидел несколько русских ППС и ППСШ, пару Узи и МР-5. Зато автоматов – было море. Господствовал Его Величество Калашников – им были вооружены здесь почти все армии, он поставлялся и партизанам; этих автоматов было так много, что они стоили дешевле любого автоматического пистолета. Можно было выбирать всё, что угодно – от относительно нового югославского АК, непонятно как сюда попавшего, до проржавевших или с вытертым до блеска воронением автоматов, которые когда то держали в руках бойцы местной армии, разбежавшейся после падения коммунистического режима и превратившейся в банды. Остальное было представлено довольно редкими вкраплениями – G3, явно иранского производства, пара FN Fal, которая была популярна много южнее. Автоматы висели гроздьями на старых, пропитанных кровью и потом ремнях, стояли в корзинах, лучшие были горделиво разложены на прилавках. Тут же были и пулеметы – китайские ПК и РПК, иранские или суданские MG-42, непонятно как доживший до сего дня итальянский «Бреда», патроны к которому не выпускались – он стоил меньше автомата, явно приманка для лохов. Выделялся русский Горюнов, тяжелое тело которого было прислонено к одному из прилавков и прицеплено цепью – чтобы не стащили. Станка видно не было – то ли продавец держал его отдельно, чтобы назначить на него отдельно цену, то ли его вообще не было, и пулемет предназначался для продажи в таком виде для установки на машину.

Но сержант пришел не за этим. Он пришел за снайперской винтовкой. Купив у одного из прилавков еще один ТТ, четыре магазина и две коробки патронов к нему, он продолжил поиски того, что ему на самом деле было нужно.

Снайперские винтовки были и даже в некотором ассортименте – он опасался обратного. Явно от армии остались снайперские винтовки Драгунова, многие без прицелов и в таком виде, что страшно было смотреть. У одной – приклад, явно расколотый, был замотан тряпкой. Еще у одной – его и вовсе не было – какой-то придурок сделал из снайперской винтовки обрез и гордо предлагал его покупателям. У многих винтовок приклад был либо покрашен в зеленый цвет, либо к нему был прикреплен портрет какого-нибудь лидера либо – амулет, для добавления точности винтовке. Африка...

Сержант имел дело со снайперскими винтовками Драгунова – как и все морские пехотинцы, он прошел краткий курс обращения с оружием вероятного противника, а потом, отправляясь в Сомали прошел и продвинутый курс. Драгунов был не таким уж и плохим оружием, как о нем думают. В хорошем состоянии он показывал точность, равную примерно трети точности М40,¹⁴ из нее вполне можно было гарантированно попасть в ростовую фигуру с четырехсот-пятисот метров. Приклад был нерегулируемым и довольно коротким для сержанта – но удерживать винтовку было удобно. Прицел был странным – без перекрестья, без делений, очень малой кратности – но и к нему можно было приноровиться, для посильных для винтовки дистанций он был вполне пригоден. Полуавтоматический механизм и отъемный магазин на десять патронов давал винтовке неплохую огневую мощь, в каких-то условиях позволяя использовать ее как штурмовую – тем более, что она была легче М40. Однако, сержант не знал, с какого расстояния ему придется стрелять и при каких условиях. Поэтому, он решил продолжить поиски и взять СВД, только если ему не приглянется ничего больше...

Классические снайперские винтовки с продольно-поворотным затвором тоже были. Немного – но они были. В этой стране никогда не было ни диких зверей, ни нормальной охоты – поэтому охотничьих карабинов и штуцеров не было – но снайперские винтовки были. Он заметил один прилавок, где снайперское оружие занимало большую часть выставляемого к продаже товара и, кружа кругами, все время возвращался к нему. Хозяин товара – пожилой негр – приметил странного покупателя, но подзывать его посмотреть товар тоже не спешил. Вероятно, он был не просто торговцем, которому надо продать товар и неважно какой именно, – но и снайпером. Возможно, в прошлом снайпером, хотя отставных снайперов не бывает, эта работа остается с человеком до смертного одра. Поэтому он терпеливо сидел на перевернутом ящике из порта и ждал, пока странный покупатель подойдет сам. Если ему нужно будет подойти – подойдет...

Вероятно, этот человек имел какие-то контакты за границей, позволяющие ему получать оружие из складов распавшихся армий и мобилизационных ресурсов Восточного блока, стран Восточной Европы, освободившихся от коммунистической тирании – потому что практически всё оружие у него было новым и оттуда. Автоматы АК двух видов – югославский и чешский¹⁵, причём новые. Еще какие-то пистолеты-пулемёты, похожие на советский ППШ – но все же не ППШ, с голым, без радиатора стволом, возможно, китайские. Пистолеты – причем неплохие. И снайперские винтовки. Драгуновы, но было кое-что еще.

Снайперские винтовки комблока. Во-первых, винтовки Мосина-Нагана, они были на вооружении советской армии до Драгунова, а потом их распространяли в Африке и Азии, немало их было и во Вьетнаме и в Ливане. Классические, похожие на «Маузеры» винтовки, с простым, коротким прицелом времен Второй мировой войны. Непонятно в каком состоянии, – но он знал, что вооруженные таким оружием снайперы Вьетконга наделали немало дел во Вьетнаме, и это оружие нельзя было недооценивать. Но и брать его, как основное, он не собирался: винтовки были выпущены в 30-40-х годах, им не меньше 50 лет и в чьих руках они побывали, сколько выстрелов сделали – Бог весть. В Африке не особо заботились о своем оружии, привычки такой не было.

Были и винтовки с более современными прицелами. Он выделил «Мосина» и кажется «Маузер», обе – с прицелами, похожими на прицелы СВД с резиновыми наглазниками. Кажется, после войны советский блок передал производство таких винтовок своим сателли-

¹⁴ Вероятно потому, что морские пехотинцы стреляли валовыми пулеметными патронами, снайперские им просто негде было взять. На самом деле кучность отобранной винтовки СВД снайперскими патронами и тем более патронами Экстра – равна 1МОА и даже меньше.

¹⁵ Конечно же Vz58, но морской пехотинец США может этого не знать. В некоторых музеях – чешские Взоры выставлены с подписью «автомат Калашникова».

там, а может быть, на старые винтовки поставили новые прицелы. Как бы то ни было, надо было разбираться...

Во время очередного круга он резко свернул к нужному ему лотку.

– Ас саламу алейкум, – поздоровался сержант приветствием, которое было универсальным для Востока и приемлемым для Северной Африки, где было сильно арабское влияние.

– Ва алейкум ас салам, – степенно поздоровался пожилой негр, пристально наблюдавший за новым покупателем из-под приопущенных век.

– Натака кунунуа бандуки, – сержант на суахили, самом распространенном языке Африки, который он хорошо знал, сказал, что хочет купить винтовку. Он был слишком большим и упитанным чтобы быть из Сомали, страны, где в начале 90-х от голода умер миллион человек. Поэтому он говорил как пришлый, человек из более благополучных стран.

– Вотте мими – унаона¹⁶, – не слишком приветливо сказал старик.

– Натака кунунуа бандуки мзури, – настойчиво повторил сержант. – Ква федха нунги¹⁷.

– Нипе мконо вако¹⁸, – внезапно сказал старик.

Удивленный сержант протянул правую руку, которую моментально прихватили цепкие пальцы старика. Что-то бормоча себе под нос как деревенский знахарь, он щупал ладонь и каждый палец сержанта.

Указательный палец! Вот что он хочет видеть.

Выпустив руку американца, старик пронзительно крикнул – и сержант положил руку на рукоять Токарева. Хотя связи здесь нормальной нет, как нет и полиции – новости разносятся быстро. И вполне возможно, на этом базаре есть те, кто мечтает с ним посчитаться.

Указательный палец. У любого стрелка, стреляющего из винтовки, жесткая ладонь, потому что она постоянно воспринимает отдачу, и на указательном пальце мозоль от спускового крючка. Еще один признак – синяк на плече. Жаль, что они это узнали после того, как ушли из Могадишо.

Но подбежал всего лишь мальчишка и сержант понял, что старику нужно, чтобы кто-то присмотрел за товаром.

– Кутембеа на ме¹⁹... – бросил старик, выходя из-за прилавка...

Протискиваясь за стариком через шумную толчею рынка, придерживая оттягивающий карман тяжелый Токарев – сержант подумал, что он, наверное, свихнулся. Здесь давно уже не было ничего того, что отличает нормальное государство и нормальное общество – ни чести, ни совести, ни доброты, ни сострадания. Здесь нормой являются бомбежки и артиллерийские обстрелы городов, атаки до последнего человека под действием наркотика, вырезание противостоящих семейств и племен до последнего человека. Он только что признался, что у него есть деньги и старик уже явно понял – что он не местный, и следовательно – за него не придут мстить местные бандиты и экстремисты. А это значит, что старик может привести его в такое место, где ему дадут ломиком по башке или воткнут нож в печень, обчистят карманы и бросят на растерзание местным собакам и крысам, которые после голода и геноцида вовсе не возражают против человечинки. Но как бы то ни было – он, морской пехотинец США, выживший в 93-м в этой стране, дыша пропитанным злом воздухом Могадишо. У него есть оружие – и он не продаст свою жизнь задешево...

Старик внезапно свернул, и сержант едва успел заметить, куда. Оказалось, он прошел между двумя торговыми точками, в узкий проход между ними, такой узкий, что протиснуться

¹⁶ Все что у меня есть – ты видишь (суахили).

¹⁷ Я хочу купить хорошую винтовку. За большие деньги.

¹⁸ Дай мне руку.

¹⁹ Иди за мной.

в него можно было только повернувшись боком. Сержант протиснулся следом за стариком – и никто не остановил его.

Они оказались в месте, где в импровизированных складах хранился товар. Здесь отвратительно воняло дерьмом, мочой и гниющими объедками, под ногами шевелилось – то ли черви, то ли крысы, то ли и те и другие вместе. Где-то на рынке сиреной воздушной тревоги взревел осел – и сержант выхватил пистолет...

– Усиджали, аскари, – сказал старик, гремя ключами, – ситакужа кукуа²⁰.

– Куниуа сийо рахиси сана, – ответил сержант, – венги вамиджарибу²¹.

– Наджуа, аскари, – ответил старик, отпирая замки на большом, облезлом сорокафутовом контейнере, – хийо басы ни бинаму янгу. Алисема кува уна миконко я мпиганажи харака кама умеме на мойя ва мфалме. Мими нина кууза веде бундуки на била кучукуа киаси²².

Твою мать!

Когда сержант учился – а он входил в нештатную разведывательную группу, специализирующуюся на операциях в Африке и состоящую только из чернокожих морских пехотинцев – помимо изучения суахили, зная который можно вполне сносно существовать в любом месте Центральной и Южной Африки – они много еще чего учили. Америка – перекресток миров, большой Вавилон, здесь можно найти выходцев из любой точки земного шара. С ними проводили занятия носители языков Африки, бывшие африканские военные, исследователи Африки, в том числе и те, которые были родом из Африки. Советский Союз продвигал в Африке коммунизм – и тем, кто ему противостоял, нужны были хорошие военные советники. Они закончили курс обучения как раз в 1991, в год, когда Советского Союза не стало, и коммунистическая угроза отошла на второй план – но навыки остались, причем те, какие сейчас уже не преподавали; этот курс был закрыт. Из лекций специалистов по Африке сержант запомнил, что в Африке, несмотря на отсутствие мобильных телефонов, информация распространяется очень быстро. Любого путника, пришедшего в деревню, расспрашивают о новостях и рассказывают ему свои новости, он идет дальше и несет информацию. На базары женщины ходят не только для того, чтобы купить нужное, но и чтобы обменяться новостями, послушать чужие и рассказать свои. Информация о черном стрелке, в одиночку перебившем банду, уже дошла до рынка Бакараха, и, значит, через пару дней о новом шерифе будет судачить половина Могадисхо. И информация может дойти до того, кому её знать вовсе не обязательно и он может задуматься над тем, кто приехал в город, и зачем. А если старик будет судачить об иностранце, купившем у него снайперскую винтовку...

Придётся...

Снайперы – особенные люди. Их профессия – наивысшая степень войны, они же – абсолютные воины. На войне большей частью ты убиваешь врага, не видя его. Ты нажимаешь на кнопку – и ракета или бомба отправляется в полет, чтобы убить того, кто находится в десятке километров от тебя. На поле боя господствует артиллерия, основные потери в пехоте – именно от артиллерийского огня. Даже огневой бой чаще всего происходит на дистанции; любой командир, допустивший сближение противника со своим подразделением, считается не совсем профессиональным. Ты видишь фигурки в прицеле своей винтовки и стреляешь в них. Некоторые падают. Или ты палишь из пулемета, над стволом поднимается горячий воздух, от грохота у тебя едет крыша, и ты вообще плохо понимаешь, что происходит. Но снайпер убивает не так. Оптический прицел позволяет прекрасно видеть того, в кого ты стреляешь. Ты опознаешь цель, принимаешь решение убить именно его, нажимаешь на спуск и видишь, как человек

²⁰ Не бойся, воин. Я не убью тебя.

²¹ Убить меня не так просто. Многие пытались.

²² Я знаю, воин. В том автобусе был мой родственник. Он сказал, что у тебя руки воина, быстрые как молния и сердце короля. Я продам тебе винтовку и не возьму много.

падает, сраженный твоей пулей. Это – квинтэссенция войны, хладнокровное убийство одного человека другим. Снайперов не любят не только в чужой армии, но и в своей – хотя опытный снайпер может обеспечить своему отделению безбедное существование даже на самом переднем крае. Снайперы всегда изгой – с ними не сыграют в бильярд, им не нальют кружечку пива в баре в знак признательности. Раньше снайперы, взявшие на мушку офицера, нередко получали приказ отставить: считалось, что офицеры, чаще всего дворяне, служат в армии не для того, чтобы их убивали простые солдаты. Сейчас всё проще – умный ублюдок в очках с золотой оправой вызывает его и говорит – иди и убей вот его. И получишь сто тысяч долларов и внеочередное звание.

Сержант Грегори Бунт убил двадцать девять человек. Застрелил их по одному. Но он сделал это потому, что у этих ублюдков было оружие и они пытались убить его или его товарищей. Вчера он убил еще семь человек, но если бы он этого не сделал – они бы убили его и еще несколько человек. У него был нож, был пистолет и были отработанные навыки убивать – но он просто не мог убить старика, который всего лишь слишком много услышал и мог разболтать это дальше...

– Усиджали, аскари. Мими си кумвамбия мту еоте кухусу ве ве на бундуки²³...

Дверь контейнера, освобожденная от хватки замков, открылась...

Сержант решил поверить старику. Просто – поверить.

В контейнер через проржавевшую крышу сочился свет. Было тесно, пахло машинным маслом и сталью. До самого верха – были наложены свертки...

Старик, покопавшись где-то в свертках – довольно причмокнул и вытащил из кучи один за другим два длинных, по метру свертка. Подмигнув, передал их сержанту. Потом – достал еще один сверток...

Устроившись поудобнее – сержант Бунт начал разворачивать предложенное.

В первом – оказалась снайперская винтовка с затвором Мосин – Наган, но какая-то странная. Явно не гражданское оружие, ложе сделано грубовато, но при этом из отличного, твердого как камень дерева. Странный приклад с высокой щекой и прицел – не из таких, какие ожидаешь увидеть на подобном оружии. Не русский, 4-хкратный, а старый, но на вид неплохо сохранившийся Kahles! Один из самых дорогих европейских оптических прицелов, они поставлялись в армию Австрии, Германии и были сделаны по стандартам НАТО.

Сержант попытался понять, откуда винтовка – и не понял. Маркировка не кириллицей, а латиницей, год выпуска – семьдесят первый²⁴. Ствол расстрелянный, но в меру. Он не мог пристрелять винтовку – но внимательно осмотрел ствол, у старика оказался даже специальный фонарик.

Вторая винтовка – схема Ли-Энфильда, при этом довольно современное спортивное ложе со щекой и гражданский оптический прицел десятикратного увеличения. Он понял, откуда это – Индия, арсенал в Ишрапуре, производящий до сих пор и Ли-Энфильд и БРЭН. Видимо, помимо оригинальных вариантов он выпускал и переделки, как эта. Винтовка не просто новая – из нее не сделано ни одного выстрела, она в смазке и со всем ЗИП, который полагается. И прицел – три на девять, отлично установленный. Он взял бы ее, если бы не два обстоятельства. Первый – новая винтовка может повести себя как угодно, винтовка, из которой сделали несколько сотен выстрелов, «обкатали» ствол – все-таки лучше, если предыдущий владелец – не загубил ее отсутствием чистки или стрельбой трассирующими. Второй – калибр. Калибр был не НАТОвский – а почему-то британский, какой у оригинального Энфильда. Он не помнил баллистическую таблицу на эти патроны, да и с самими патронами могли быть проблемы. Сейчас это большая редкость.

²³ Не бойся, воин. Я никому не скажу про тебя и винтовку.

²⁴ Финская снайперская винтовка на базе Мосина, они стояли на вооружении до 90-х годов.

Он остановил свой выбор на третьей винтовке. Как только развернул, понял – то, что нужно. Одна из моделей Заставы, винтовка со скользящим, продольно-поворотным затвором, выполненная скорее в европейской школе, чем в американской. Американские снайперские винтовки были с легким, более изящным ложем, потому что брали начало от охотничьих винтовок, в то время как европейские снайперские винтовки – от спортивных. Деревя на ложу не пожалели, причем ореха, щека регулируемая, хват, как на спортивной винтовке. Цевье широкое и длинное, к нему прикреплены сошки, произведенные в Югославии, но на вид ничего. Прицел – югославский вариант русского ПСО с постоянным 6-ти, а не 4-хкратным увеличением – но это и хорошо. Такой прицел в металлическом корпусе очень прочен и выдерживает самую варварскую эксплуатацию в непрофессиональной, призывной армии. Ствол длинный, толстый, хорошо обработанный, пламегаситель как у СВД – советская школа. И напоследок: винтовка сделана под 7,62 НАТО, траекторию которого он знает наизусть и может выдать решение для любой дальности даже во сне. Два таких патрона он везёт с собой, но этого может быть недостаточно...

– Патроны к этой винтовке есть?

Старик закивал, порылся в вещах – и достал оттуда завернутую в полиэтилен коробку чешских «Селье» и «Бело». Дешёвые, но неплохие, в Чехословакии производят хорошее оружие и хорошие патроны, половина профессиональных проводников в Африке пользуются нарезными штуцерами именно чешского производства, недорогими, прочными и надежными...

– Пойдёт, – кивнул сержант, – а ещё есть?

Старик достал еще две коробки.

– Я куплю все это, старик. Сколько я должен тебе?

– Смотря, в каких деньгах.

В Сомали не было денег. Вообще. В ходу были деньги старого режима, непонятно, что они стоили. Со времён американцев остались доллары; но понятно, что сержанту американской армии, действующему под прикрытием, давать в дорогу доллары очень опасно. Оставались валюты соседних стран, они были уважаемы торговцами, потому что с ними расплачивались на оптовых рынках соседних стран, когда покупали товары для перепродажи дома. Сержанта снабдили кенийскими шиллингами, причем в избытке – в кенийских шиллингах он был даже не миллионером, а мультимиллионером. Один доллар меняли примерно на семьдесят – семьдесят пять кенийских шиллингов.

– В кенийских.

– Тогда... – старик примерно прикинул. – С тебя один миллион шиллингов за все.

Цена была невероятной.

– Сколько? Да это не стоит и ста тысяч!

Старик прицокнул языком.

– Осторожнее, ты оскорбляешь хорошее оружие, какую службу оно тебе сослужит? Хорошо, скину сто тысяч шиллингов.

– Сто пятьдесят...

Доторговались до пятисот пятидесяти, если считать с длинным чехлом из грубой мешковины, который старик присовокупил к промасленной бумаге. Сержант, тщательно, по одной отсчитал купюры – они были неновыми и разного достоинства, хотя и крупными. Он был уверен, что лучше этого – на базаре не найдет, если бы он не раскусил старика, – сейчас бы купил СВД, которая двадцать лет находилась в руках дикарей и сейчас мучительно соображал бы, что с ней делать.

– Асанте, баба... – сказал он, благодаря старика за купленное оружие.

– Подожди, – старик закрыл дверь, – сейчас к тебе придет мальчик, подожди здесь. Он принесет тебе связку тростника. Здесь покупают сахарный тростник для того, чтобы ставить

самогон. И он принесет тебе веревки. Сделаешь большую и толстую связку тростника и положишь на плечо. Иначе – те, кто стоят на входе у рынка, догадаются, что именно ты купил. Ты думаешь, я просто так прячу свой лучший товар здесь? Они пойдут за тобой и убьют тебя. Нас никто не любит...

Нас никто не любит...

Сержант кивнул головой.

– Кто ты, отец? – спросил он.

– Я – такой же, как ты, – ответил старик. – Просто я уже убил свою последнюю жертву. И теперь жду, когда они все явятся за мной. Будь осторожен, чужестранец. Здесь на улицах – больше острых глаз, чем ты думаешь.

– Асанте, баба²⁵ – поблагодарил еще раз сержант...

²⁵ Спасибо, отец.

21 июля 1996 года. Сомали, южный Могадишо

На улице шел бой. Точнее... боем это назвать было сложно, точнее, – это была вялая и бессмысленная перестрелка с непредсказуемым результатом. Врагов разделяла улица, никто не осмеливался ее пересечь. С одной стороны улицы были довольно приличные, трёх- и четырёхэтажные дома, изуродованные ракетами РПГ и очередями крупнокалиберных пулеметов, с другой – какие-то трущобы, нищие, часто самодельные дома... в Могадишо такое было часто, потому что в городе скопились беженцы со всей страны, они прибывали в Могадишо потому что тут был порт, где раздавали гуманитарную помощь и можно было хотя бы не умереть от города. В городке с широкими улицами, площадями и парками беженцы моментально воздвигали свои трущобы из того, что было под рукой: из старых морских контейнеров, из шифера и листов железа с крыш, из самых разных досок. Они вырастали в самых разных районах некогда цивилизованного, туристически привлекательного города как чудовищные язвы, иногда за одну ночь. Тут горели костры, тут были вооруженные люди, потому что старый автомат стоил как две-три буханки настоящего хлеба. Именно здесь жили те люди, которые смогли изгнать из своего города сильнейшую армию мира, чтобы потом самим подышать от голода и междоусобных войн.

Винтовку сержант Грегори Бунт не рискнул прятать; в этом городе никогда не знаешь, когда на тебя смотрят, а когда нет. Такая винтовка здесь стоит целое состояние, рисковать не стоит. Обмотав ее мешковиной и повесив за спину – он лежал за кучей битого кирпича между двумя домами разбитого вдребезги района Могадишо, слушал противный свист пуль и ждал темноты. Ему надо было дожидаться темноты, чтобы перейти эту дорогу и попасть в нищий район Могадишо, один из тех, который не подчиняется генералу Айдида. Он надеялся, что у снайперов Айдида – а они здесь есть – не найдется приборов ночного видения, и он очень надеялся, что агент, к которому он пришел, всё ещё жив.

Исламисты, обосновавшиеся в бидонвиле Могадишо – пытались подстрелить кого-то из националистов и трайбалистов Айдида. Националисты, уже обкурившиеся и закинувшие катом – вяло отвечали: патронов не хватало ни у той, ни у другой стороны. Над бидонвилем курились дымы – то ли от попаданий зажигательных пуль, то ли просто готовили ужин. Еще один день в славном городе Могадишо...

И это то, ради чего они прогнали американцев?

Солнце окончательно кануло за горизонт – и истерзанный боями город накрыла благословенная тьма...

Со стороны бидонвиля перестали стрелять – и то же самое сделали люди хабр-гадир. Он услышал громкие голоса на сомалике... стрелки занимали позиции на самом верхнем этаже и на крыше, а теперь спускались вниз. Только бы не сюда... мать их...

Шаги. Какие-то неуверенные, снова голоса на сомалике. Сержант вжался в битый кирпич, зажав нож в руке...

Голоса. Затем – шелест струи, вонь...

Господи... Они тут отхожее место собрались устроить...

Снова голоса... Снова шаги...

Когда эти ублюдки удалились... воняло просто омерзительно... – сержант решил сматываться. Мало ли... может, кому-то придет в голову еще и пос...ть?

Он перебежал дорогу... его никто не заметил. Господи... тот, кто составлял карту этих мест, вообще представлял себе, что здесь на хрен творится? По карте здесь сквер... видимо, тот, кто составлял карту, не нашел ничего лучшего, как взять за основу старую карту Могадишо. И что теперь на хрен делать?

Здесь неприменимы методы контакта с агентом, которые используются в обычных странах. Все эти полосы помадой на столбе, тайники в парковой скамейке – всё это полная хрень. Никаких столбов здесь нет, относительно домов... никто не знает, будет ли дом стоять на этом месте завтра, а что касается скамейки – это и вовсе такая роскошь, что на месте она стоять не будет, обязательно утащат.

Он продвигался по тесной улочке, между двумя линиями домов на свет горящих бочек – там можно было найти кого-то из тех, кто знает агента... это был единственный шанс, а агент занимал достаточно высокое положение в местной иерархии боевиков, чтобы его, сержанта Бунта не убили на месте, а отвели к нему. Он умел ходить ночью, и думал, что идет бесшумно, но не тут то было. Примерно на полпути – за спиной лязгнул автоматный затвор.

– Жогсо!²⁶ – скомандовал кто-то.

Сержант медленно поднял руки.

– Хабад харидин!²⁷ – сказал сержант одну из тех немногих фраз, которые он знал на сомалике и добавил – Ас салам алейкум. Мир вам...

* * *

Перед сержантом кто-то поставил тарелку, полную каши, по виду похожей на гречневую. Но это была не гречка, это было сорго, примерно то же самое, что и просо, но покрупнее. На сорго жила вся Африка...

– Нун бухор²⁸, – сидящий перед ним бородатый человек сказал традиционную фразу гостеприимства, принятую у афганцев. Он был черным, как ночь, – но знал афганский язык дари, и соблюдал традиции пушту даже здесь, в Африке.

Сержант прижал ладонь к сердцу, склонил голову.

– Шукран, шукран...

И принялся есть. Руками, потому что никаких столовых приборов не полагалось. Впрочем, он сильно проголодался и готов был есть даже руками...

Его привели сюда, в эту хижину – она была больше, и здесь было намного чище, чем в остальных. Топчаны, автоматы, огонь очага вместо раскалённой бочки из-под солярки. И люди... негры, но есть и двое белых, бородатых. На всех чалмы и несколько непривычная для здешних мест одежда...

Сержант доел кашу, вытер руки об одежду, потому что больше вытереть было не обо что. Еще раз сказал «шукран».

– Теперь, незнакомец, когда ты утолил свой голод – утоли наше любопытство и расскажи нам, что привело тебя сюда... – сказал один из бородатых на английском.

– Я пришел издалека, потому что мне ненавистно смотреть на то, как страдает сомалийский народ.

– Сомалийский народ страдает от того, что отверг истинную веру и признал тагута и вот ему мучительное наказание, как и предписано Книгой.

– Я ищу человека... – сказал сержант.

– Какого человека ты ищешь, незнакомец? Возможно, его уже нет в живых.

– А возможно и есть. Я ищу вот этого человека...

Сержант достал фотографию и передал ее одному из боевиков.

На фотографии были изображены несколько человек, как черные, так и белые. Они были изображены на черно-белом снимке, на фоне гор. Среди них – был и один из чернокожих...

²⁶ Стой! (сомалика).

²⁷ Не стреляй (сомалика).

²⁸ Кушай хлеб (дари).

Снимок был сделан в Афганистане...

28 июля 1996 года. Сомали, южный Могадишо. Район рынка Медина

Здесь тоже стреляли, бой шел где-то левее и был нешуточный. В треск автоматов и грохот пулеметов влетали звонкие трели скорострельных пушек и глухие аккорды безоткаток и танковых орудий...

Сержант ехал в старом, потрепанном пикапе с откинутым задним бортом. Какаа, его связь здесь и наводчик, прошедший путь от лагеря подготовки в Читрале²⁹ до залитых кровью улиц Могадишо, стоял рядом на колене, одной рукой держась за борт, другой – придерживая автомат...

Они ехали уже довольно долго, сержант видел самое разное через откинутый задний борт. Торгующих людей, гуляющих людей... убивающих людей. Он видел, как на улице вспыхнула перестрелка, совершенно без видимого повода, просто один из чернокожих выхватил пистолет и начал стрелять, и кто-то повалился, и раздалась автоматная очередь и... хорошо, что они проехали это место... иначе могли бы быть проблемы...

– Еще немного. За поворотом... – сказал Какаа.

Как накаркал. Осколком стекла по нервам резанул нарастающий тонкий свист. Сержант среагировал мгновенно – бросился из машины, распластался на земле.

Грохнуло. Совсем рядом; его осыпало землёй и осколками камня. Вторая мина угодила в здание на левой стороне улицы.

Сержант поднял голову... Какаа хромал к нему, лицо заливала кровь.

– Сюда! Сюда! – махал он рукой.

Они ввалились в ближайшее здание прежде, чем очередные миномётные мины легли в цель. На улице стояла пыль, их машину не было ни видно, ни слышно, по ним поддало взрывной волной с улицы – именно поддало, а не ударило. От пыли было нечем дышать...

– Надо уходить... – сказал сержант, – пока нас тут не завалило... Что с тобой?

Какаа смахнул грязным рукавом кровь.

– Хвала Аллаху, жив... Не суйся в развалины, там могут быть растяжки. Иди за мной.

Сержант достал из кармана упаковку бинта.

– На, перевяжись.

– Нет времени. Тиран должен быть здесь скоро. Иди за мной...

Вместе – первым шел Какаа с автоматом, вторым – сержант, который все еще держал винтовку за спиной, – они поднялись на второй этаж. Когда-то это был жилой дом и, наверное, – квартиры в нем немало стоили...

– Как с отходом?

– Машина будет нас ждать. Поторопись...

Какаа прохромал по коридору, заглянул в комнату...

– Сюда!

Еще одна мина попала прямо в здание; хорошо, что не прямо над их головами. Здание содрогнулось, посыпалась пыль...

– Прыгай!

Прыгнул сначала сержант, потом сам Какаа. Минометная батарея хабр-гадир была по городскому району, была много южнее цели и сообщить об этом, приказать, чтобы перенесли огонь, навести минометчиков на правильную цель – было некому.

Они спрыгнули во двор. В любой момент мина могла прилететь и сюда...

²⁹ Пакистан.

– Давай туда!

– Подожди...

Сержант задержал своего вынужденного напарника, подтянул к себе.

– Ты чего?

– Надо перебинтовать. Нельзя так ходить...

– Нам надо идти!

– Ничего. Немного можно подождать...

Сержант Бунт начал перевязывать голову молодого африканца – и тут понял, что он ранен намного серьезнее, чем это казалось.

– Парень... с твоей головой... неладное дело. Тебе нужен доктор.

Раньше сержант думал, что осколок просто стесал кожу, отсюда и кровь, он думал это потому, что Какаа был на ногах, он мог говорить, ходить. Теперь же он понял, что осколок пробил череп и возможно, повредил мозг.

– Мне... не нужен доктор. Наша жизнь... в руках Аллаха, он не допустит моей смерти сейчас. И твоей тоже. Пошли... американец.

Они прошли двором, потом перебежали простреливаемую улицу, пробежали проулком и вошли в еще один двор. Бой здесь был не шуточный, это была не вялая перестрелка, это был настоящий огневой бой, где каждая сторона стремится не только остаться в живых и удержать свои позиции – но убить своего противника и выбить его с его позиций. Здесь точно были крупнокалиберные пулеметы, причем не один, а несколько. И тут же был танк, как минимум один. Сержант услышал рев его двигателя и понял, что то, что он принял за выстрелы безоткатки – на самом деле это выстрелы танковой пушки...

– Твою мать! Там танк!

– Они ... не увидят нас. Ты должен... занять позицию, белый. Генерал будет здесь, и ты... убьешь этого палача. Иди... вон туда.

Морской пехотинец поднял голову – и увидел перед собой вонзающийся в небесную синь шпиль минарета.

– Откуда ты знаешь, что он будет здесь?

– Здесь... убежище одного... важного человека... авторитетного богослова... из других стран к нему ездят за... благословением. Они подогнали танк, потому что богослова охраняют сорок... шахидов, поклявшихся умереть, но не ... допустить его пленения. Генерал придет...на переговоры. Иди... белый... иди...

– Ты в порядке?

Какаа не ответил. Двигаясь медленно, как в замедленном кино, он начал строить баррикаду из обломков.

Твою мать!

* * *

Дистанция для американского снайпера была просто смешной – чуть больше трехсот метров. Проблема была в том, как потом уйти...

Винтовка была почти привычной – только дерево вместо неприхотливого пластика и чуть корявый приклад. Он пристрелял винтовку несколькими выстрелами еще вчера и не помнил, чтобы он сильно ударял ее. Пока что всё было в норме...

Накрывшись полотном из легкой ткани – это было почти излишне, боевики не боялись снайперов – он смотрел на то, что происходило внизу. Он занял позицию на минарете, поднявшись туда по разбитым ступенькам, которые могли и не выдержать спуска... а могли и выдержать. Это была самая высокая точка в районе, видимость была отличная. Тут же был старый мегафон с отрезанными проводами – раньше с его помощью собирали правоверных на намаз.

Они сражались севернее; отель «Олимпик», где состоялся самый страшный бой американской армии со времен Вьетнама, находился тремя милями севернее. Боевики хабр-гадир вели себя намного беспечнее, чем когда где были американцы. Они заняли позиции на улице и не особо стремились в бой. Большую часть работы выполнял танк. Старый, с пятикатковым шасси – Т55 или китайский Т59, со снятым пулеметом ДШК – он с частотой примерно раз в минуту выпускал куда-то снаряд – и улица взрывалась приветственными криками на сомалике. Чуть в стороне стояли несколько машин, в том числе внедорожники с крупнокалиберными пулеметами – но они в бою не участвовали...

Окружения не было, и сержант знал: те, по кому сейчас долбит танк, в принципе могли бы и уйти. Но нет, не уйдут. Потому что тогда они потеряют уважение других и их рано или поздно убьют, не сейчас, так потом. Здесь уважение играло очень важную роль, местные были настоящими упёртыми сукиными сынами и своеобразная, но ярко проявляющаяся для них честь была дороже жизни.

Сержант нацелился на долгое ожидание – но долго ждать не пришлось. Караван машин – вперемешку джипы и пикапы с пулеметами – показался на улице. Они появились как бы из-за спины сержанта, он внезапно услышал шум двигателей, а потом и увидел останавливающиеся машины. И испытал страх.

Машины остановились, перегородив улицу. Он взял одну из них на прицел... прицел был старым, но в отличие от современных, он имел очень широкое поле зрения. Для выполнения такого задания – это было весьма и весьма кстати.

Начали вылезать люди, вооруженные боевики, занимая улицу. Джинсы, замотанные цветастыми платками лица и черные противосолнечные очки, последний писк моды. Их начали массово носить, подражая американцам, а теперь это было модно еще и потому, что обладатель их как бы намекал, что он их снял с убитого американца.

Вот только проблема была в одном. В том, что это была охрана Айдида, сомнений не было – очки на всех. Вот только как распознать цель, если на рожах у всех – одинаковые очки на полрожи, а?

Об этом он не подумал. И те, кто отправлял его на задание – тоже об этом не подумали. Когда они охотились на Айдида, обеспечивая безопасность миссии UNOSOM II – у них были агенты, были наводчики. Именно один из наводчиков, наклеив на крышу машины крест из черного скотча – вывел их к отелю «Олимпик» и тогда то и началось все это г...о. А сейчас – что делать?

Сомнений не было, весь его опыт подсказывал: если не знаешь цель, если не видишь цель – не стреляй. Именно так действовали снайперы.

Проблема решилась сама собой – откуда-то из подворотни ударила автоматная очередь, выбивая пыльные фонтанчики на стене. Какаа!

Часть ублюдков открыла ответный огонь. Часть – бросилась к машинам, и уже по тому, как одного из них прикрывали – сержант понял: цель!

Он выстрелил в последний момент, когда стремительное движение чуть прервалось: человек не может с той же скоростью садиться в машину, что и бежать. Не могло быть и речи о выстреле в голову – промахнуться легче легкого, даже на столь небольшом расстоянии. Сержант выстрелил по корпусу – и в оптический прицел малой кратности увидел попадание. Снизил... метил в грудь попал в живот, сбоку... Черт бы всё побрал!

Всё. Больше здесь ловить нечего – надо валить...

Какое-то мгновение сержант раздумывал: бросать винтовку или нет. Решил всё же бросить – у него есть два пистолета, из которых он умеет стрелять с двух рук, на улице можно разжиться автоматом. Снайперскую винтовку не спрячешь, если его поймут с ней на улице – разорвут на куски.

Чертов маленький фанатик. Пожертвовал собой, это точно...

Сержант бросился вниз по лестнице. Рядом, буквально за стеной долбил крупнокалиберный пулемет, от его грохота сжимался в кулак желудок. Люди Айдида не услышали выстрела снайпера, не поняли, что к чему – они начали палить по маленькому смертнику, грохот пулемета заглушил выстрел снайпера.

Потом... все-таки это не Секретная служба США. Обычные боевики... бывшие военные и полицейские, в Сомали, когда здесь не было гражданской войны – многие из хабр-гадир служили государству. Сам Айдид был то ли генерал-лейтенантом, то ли генерал-полковником армии Сомали.

Интересно... насмерть или нет? Ранение в живот – очень скверное ранение, в условиях отсутствия нормальной медицины смерть от перитонита почти гарантирована. Если задел печень – смерть произойдет немного раньше. Но всё-таки – чистым выстрелом это назвать нельзя...

Выскочив во двор, сержант бросился бежать. Ему надо было как можно скорее выскочить на противоположную улицу, тогда он уйдет. За спиной были какие-то крики, он проскочил обратно, туда, откуда они пришли. Ему выстрелили несколько раз в спину – но ни разу не попали, хотя одна пуля прошла совсем рядом. Сержант не стал стрелять – до последнего не нужно показывать врагу, что ты вооружен и ты именно тот, за кем он охотится. Не стал он и устраивать засаду в полуразрушенном здании – один с пистолетом против нескольких ублюдков с АК-47 – смешно. Окружат здание и не спеша завалят... хорошо, если живьем не возьмут. Ноги, ноги, ноги... вот то единственное, что может его на хрен спасти.

Едва не хрястнулся, поскользнувшись на чем-то, но все же удержался на ногах. Выскочил на улицу. Крики, шум. Минометный обстрел уже превратился, люди собирали погибших и раненых, где-то громко и страшно выла женщина. Какой-то козёл попытался его остановить, он сшиб его с ног как в футболе и ринулся дальше.

Ему нужно было заскочить в один из домов... дальше проскочить через него, вырваться во двор и бежать дальше. Двери здесь, в мусульманском районе, как, впрочем, и в других, днем никогда не запирались, сами они были такие – одним пинком можно вынести. Он с силой, всем телом ударил в дверь... она выстояла. Уже понимая, что дело дрянь, он бросился к другой... и в этот момент в спину как молотком ударили. Падая, цепляясь за стену, сержант Бунт услышал, как со всех сторон загремели автоматы Калашникова...

* * *

Пробуждение было тяжелым. Болезненным. Медленным. Какое-то время он пребывал словно в забытии. Он чувствовал, как к нему прикасаются. Слышал голоса. Ему причиняли боль, но он не понимал, кто и зачем. Потом он снова – нырял в темную воду беспамятства.

Но в этот раз – он проснулся. Точнее – очнулся. От боли. Он замычал и дернулся...

– Тихо, тихо, тихо...

Говорили по-английски.

* * *

Второй раз – он увидел свою спасительницу на следующий день. Полноватая негритянка средних лет, её плохо было видно. Через окна, заделанные каким-то картоном и осколками стекла сочился дневной свет, вокруг не стреляли, он лежал на каком-то топчане, и ему было жарко. И больно.

– Так...

Женщина с совсем не женской силой повернула его, принялась рассматривать раны. Потом – сдернула повязки, так что он замычал от боли...

– Вот... так.

Судя по всему, женщина была врачом. Она посыпала его рану каким-то порошком, вызывающим жжение, потом – приложила лист какого-то растения и наложила кусок чистой ткани поверх. Потом – привязала всё это.

– Вот... так... теперь ложись.

Сержант решил, что дальше скрывать свое знание английского бессмысленно. Если бы его хотели убить за то, что он здесь сделал – его не стали бы лечить. Возможно, от этой женщины он узнает, где он и в чьих руках...

– Вы... говорите по-английски... – вытолкнул через пересохшее горло сержант.

– Ого.

– Дайте... попить.

Вода была в старой пластиковой бутылке, теплая и противная. Но сержант пил и пил, пока его спасительница не отняла бутылку.

– Все... хватит. Пока больше нельзя.

– Кто вы?

– Я... Алима. Меня так зовут...

– Необычное... имя.

Негритянка улыбнулась.

– О... перед нами кавалер... гроза женских сердец.

– Кавалер... – для сержанта это слово было необычным, хотя он понимал, что оно означает.

– Да... Так когда-то здесь называли галантных мужчин. Я на четверть итальянка.

Сержант понял, что она не врёт. Хотя кожа тёмная, но черты лица скорее европеоидные, чем негроидные. Женщине было больше тридцати, но меньше сорока.

– Кто вы?

– Сейчас... знахарка.

– Знахарка? – это слово он не знал.

– Да, знахарка. Так теперь здесь называются врачи. Когда-то у меня была целая больница. Я училась... в Советском Союзе.

Советском Союзе...

– Как я... сюда попал?

Негритянка нахмурилась.

– Я подобрала вас на улице. Вы попали в перестрелку... там убили генерала. Вы никому не были нужны, и я вас подобрала. Принесла сюда...

Убили генерала...

– Но зачем...

– Хватит слов. Отдыхайте.

И женщина ушла.

* * *

– У тебя есть муж?

Алима пошевелилась в темноте.

– Что за вопросы...

– Просто интересно...

Они лежали в ночной темноте, прижавшись друг к другу. Где-то на улице – уныло и жутко строчил одинокий автомат.

– Был... – после нескольких минут тишины сказала Алима.

– Его... убили?

– Да, убили. Он был директором телерадиокомпании. Повстанцы, когда пришли сюда – расстреляли его за то, что он говорил за диктатора Барре. Он думал, что сумеет им объяснить...это была просто работа, только и всего. Но им не нужны были объяснения. Они поставили его на колени перед камерой и выстрелили в голову. Меня заставили смотреть...

– Извини.

– Ничего. Это сделал мой народ. А не твой. А мой сын погиб на улице, когда началась перестрелка между этими... и американцами. Я так и не знаю, от чьей пули он погиб.

– Я американец, американский солдат, – неожиданно даже сам для себя сказал сержант, – из морской пехоты.

– Я это поняла... – сказала Алима... – Ты не такой, как местные. И говоришь по-английски как американец.

– И ты... всё равно спасла меня?

– Я же не знала...

– А если бы знала?

Алима долго молчала.

– Всё равно бы спасла, – сказала она.

– Но почему?

И снова молчание...

– Когда американцы пришли сюда... они пришли сюда чтобы защитить нас от нас же самих. Я говорила с ними... офицер распорядился, чтобы мне давали лекарства со складов и помогли с открытием больницы. Это было до того, как ваши солдаты... попали в засаду в городе. Потом – мне пришлось скрываться... потому что меня хотели убить. Мне и сейчас приходится скрываться.

– Почему? Потому что ты взяла лекарства у американцев?

– Нет, потому что лечила людей. Местные считают, что нельзя лечить людей лекарствами, которые есть у белых. Те, кто приходит ко мне со своими болезнями, делают это тайно. Местные считают, что тот, кто лечит людей, идет против воли Аллаха. Если человек заболел – это в воле Аллаха, а врач нарушает его волю.

– Господи...

– Таков мой народ...

Теперь уже молчал сержант.

– Ты знаешь, что я сделал?

– Мне это неважно.

– И я не могу здесь оставаться. Мне нужно вернуться к себе домой.

– И это мне неважно...

* * *

Тряпки не горели, даже щедро политые керосином. Сержанту пришлось поджигать несколько раз, прежде чем на берегу разгорелся костер.

Он подбросил в него выброшенный на берег и просохший древесный хлам. В нескольких шагах от него тяжело дышал океан.

Им пришлось ждать больше часа, прежде чем сержант услышал далекий едва слышный рокот. К ним приближались две почти невидимые в темноте скоростные резиновые лодки с жёстким днищем...

Одна из лодок ткнулась носом в берег, с нее выскочили четверо – в чёрных гидрокостюмах с автоматическим оружием, приборами ночного видения. Вторая лодка – очевидно, со спаркой ротных или с крупнокалиберным пулеметом – осталась в кабельтове от берега, прикрывать высадку.

Мощный, сфокусированный луч света высветил их на мгновение и тут же погас.

– Сержант морской пехоты Бунт?

– Так точно, – ответил сержант.

– Кто с вами?

– Дружественное население...

– Сэр, три минуты, не больше. Здесь опасно оставаться.

Они посмотрели друг на друга. Говорить было не о чем.

– У тебя там может быть настоящая больница. Большая больница, – сказал сержант.

– Знаю. Но кто будет лечить людей здесь?

Сержант попытался вложить ей в руки пояс с остатками денег, она с яростью оттолкнула его.

– Я же сказала – не возьму!

Черт...

– Эй, парни, у вас есть комплект медика?

– Да, сэр, – сказал один из морпехов из «группы прямого действия». – Я санитар отряда.

– Тащите сюда! И аптечки тоже, они уже не понадобятся.

Тюлени удивленно повернулись к нему.

– Живо!

Командир четвёрки кивнул – и через минуту у ног Алимы лежал целый рюкзак с полным комплектом полевого медика, предназначенным для обработки как минимум двадцати тяжёлых ранений и несколько аптечек.

– Прости за все, хорошо?

Алима отвернулась.

– Иди с миром...

Сержант пошел к лодке, опираясь на суковатую палку; там его приняли, помогли забраться. Следом, один за одним – перевалились за борт тюлени, не прекращая держать под прицелом своих автоматов окрестности.

– Десант на борту! Груз на борту, сэр! – крикнул морпех, отступавший последним.

Рулевой включил моторы на реверс – и лодка, пятясь, пошла в море. Кто-то выдал условную серию второй, прикрывающей лодке – «все в порядке, возвращаемся»...

Лодка развернулась – и, осев на корму и взревев двигателями, с ускорением пошла в открытое море...

– Йе-ху! – крикнул один из морпехов, радостный от того, что все хорошо закончилось.

Санитар подсел к сержанту, сидевшему у борта.

– С вами все нормально, сэр? Я имею в виду – дотянете до авианосца? Там вас осмотрят нормальные медики, куда до них мне, недоучке?

– Меня уже осмотрел нормальный медик, санитар, – сказал сержант и плюнул за борт, что по меркам всех водоплавающих было святотатством. – Мне ничего не нужно...

* * *

Примерно через месяц – на закрытой церемонии сержанта морской пехоты США Грегори Бунта за исключительный героизм, проявленный при выполнении особо важного правительственного задания, наградили Военно-морским крестом.

Картинки из прошлого. 13 сентября 2009 года. Индийский океан. Ударный авианосец USS «Dwight D. Eisenhower»

Старая, раздрыганная, провонявшая блевотиной «Треска»³⁰ со всех сил ударилась о палубу ударного авианосца «Дуайт Д. Эйзенхауэр», который уже полгода болтался поблизости от территориальных вод Сомали, вылавливая пиратов, и это вызвало новые утробные стоны и рыки летевшей с самолетом матросни. Кто-то прибывал сюда на замену, кто-то возвращался после излечения ранения или командировки на берег. Но все были пьяны – кроме одного человека, который выделялся пропыленной пехотной формой расцветки «цифровая пустыня». Он единственный из всех вёз с собой снайперскую винтовку и огромный мешок со всем, что необходимо при высадке на берег и длительном рейде. Он же единственный ни разу не проблевался за весь полет...

Лезть к нему никто не лез...

Самолёт с помощью тягача отогнали с посадочной полосы, матросня поползла к выходу, буквально падая на руки встречающих из палубной команды. Все всех знали – поэтому, представители боевых частей корабля оттаскивали своих подальше от глаз командования. Офицеры тоже старались на это не смотреть – все устали, всем всё надоело. Болтаться на громадном авианосце у берега вконец озверевшей страны и наблюдать – фактически наблюдать, ничего не делая – как пираты захватывают одно судно за другим. Хотя пары ударных вылетов этих профессионалов бомбежек, налетавшихся и над Афганистаном и над Ираком, вполне хватило бы, чтобы пиратство в сомалийских территориальных водах навсегда прекратилось...

Ганнери-сержант морской пехоты США Грегори Бунт вылез из самолета позже всех остальных. Привычно осмотрелся на все стороны... эта привычка у тех, кто воевал в Афганистане, оставалась на всю жизнь. Ничего необычного... Голубое, выцветшее под лучами безжалостного солнца небо, стоящая на стартовых позициях дежурная пара. Только ракетное вооружение – бомбить здесь некого уже давно. Суэта там, где должны быть спасательные вертолеты... на позициях нет ни одного. Значит, в полете, воздушный патруль, здесь это так называется. Суть его заключается в том, что вертолет летает в заданном районе и пугает местных негров, которые типа вышли на рыбный промысел, но почему то так и норовят залезть на какой-нибудь сухогруз или танкер. И если они туда полезли – то ничего предпринимать уже нельзя, хотя опытные снайперы могли бы снять их одного за другим в течение нескольких секунд.

Это называется – «борьба с пиратством»...

– Ганнери-сержант Бунт?

Сержант посмотрел на стоящего перед ним моряка – ему не было, наверное, и двадцати пяти и у него обгорело лицо.

– Так точно.

– Лейтенант Стефан. Позвольте, я провожу вас.

Сержант закинул на плечи рюкзак.

– Что с вашим лицом, лейтенант? – спросил он, идя по палубе и смотря, как бы не поскользнуться на пролитой смазке.

– Купленный крем для загара не выдержал местного солнца, сэр. Здесь это бывает...

Понятно... Сержант тоже, кстати, имел возможность загореть и сильно. Если бы был белым – обязательно загорел бы. А так – солнце впустую...

³⁰ CODS, Carrier-On-Delivery, небольшой транспортник, способный совершать посадки на палубу авианосца.

Они нырнули в душную тесноту корабельных коридоров. Народа было полно, значит, авианосец не ведет активных операций и большая часть боевых постов – просто ни хрена не делает. И это в то время, когда над Афганистаном частенько не хватает самолетов...

– Сюда, сэр... Прошу...

Сержант шагнул в каюту...

– Сэр!

Лейтенант-коммандер Джек Лонг, один из немногих белых людей, достойных настоящего уважения, поднялся из-за стола.

– Рад тебя видеть, ганни. Выдернули тебя из Кандагара?

– Из Кабула, сэр. Лечился после небольшого ранения.

– Но сейчас всё в порядке?

– В полном, сэр.

– Что происходит в Афганистане?

– Полное дерьмо, сэр. Ситуация обострилась, теперь там с каждым днем всё хуже и хуже.

С той стороны границы приходят отряды боевиков, мы наносим удары «Предаторами», хотя по-хорошему – там надо было бы все выбомбить к чертовой матери, чтобы стало лучше...

– Да... – неопределенно протянул Лонг.

– Сэр, каково будет мое задание?

– Да... Нам потребовалась твоя помощь, ганни. На берегу. У нас нет людей твоей специализации. Знаешь, что здесь происходит?

– Никак нет, сэр.

– Ничего хорошего... Местные ублюдки организовали здесь что-то вроде африканской Аль-Каиды. Называется Союз Исламских Судов, эта организация построена по тем же принципам, что и Аль-Каида. Может вступить любой, кто разделяет догмы радикального ислама суннитского толка или ваххабизма. До недавнего времени мы не обращали на это на всё внимания, в принципе было даже неплохо, что нашелся кто-то кто начал наводить порядок в этой стране. Старая администрация совсем ни хрена не обращала внимания на то, что здесь творится, они предпочитали искать химическое оружие в Ираке, а тут было что-то вроде негласного договора о ненападении. В результате, сейчас мы имеем на берегу скопище группировок исламистского толка, численностью до тридцати тысяч боевиков, плюс как минимум в десять раз больше активных сторонников. Работу по этому региону полностью запороли, сейчас мы с удивлением узнаем о том, что местные получали деньги от суданских фондов, находящихся под контролем бен Ладена и платили местным боевикам до четырехсот долларов в месяц, и это при том, что местные живут меньше чем на один доллар в день. Африканский миротворческий контингент во главе с эфиопами вышиб ублюдков из больших городов, но это ничего не значит. В провинции сейчас черт знает что творится, одна огромная бочка с порохом и нет никакого закона, кроме того, что скажет местный мулла. Сейчас мы с удивлением узнаем, что местные имеют агентуру во всех близлежащих странах – Кения, Эфиопия, Судан, Джибути, Йемен. А в Канаде недавно отловили ублюдка из местных, который намеревался атаковать дискотеку³¹. Так что нам нужно пошевеливаться, если мы не хотим чтобы через пару лет у нас возникли проблемы по всей Восточной Африке...

Лонг понизил голос:

– Ты еще не разучился местным языкам?

– Никак нет, сэр. На суахили я говорю свободно, на африкаанс тоже. В Ираке выучил арабский. Еще знаю эфиопский, но не так хорошо, не было практики длительное время. Сейчас не до языковой практики, сэр.

³¹ В Канаде огромное количество беженцев из Сомали, эта страна принимала их наиболее активно. Речь идет о десятках тысяч человек.

– Это точно... Но сейчас твои языки сильно нам пригодятся...

* * *

– Джентльмены!

Сержант с удивлением посмотрел на сидящих в задрипанных креслах людей. Все белые, ни одного черного... ну, конечно.

– Ганнери-сержант морской пехоты США Грегори Бунт, – представил сержанта Лонг. – Первый батальон специальных сил морской пехоты США. Прибыл для усиления вашей группы из Афганистана и пойдет с вами. Сержант...

– Спасибо, сэр. Постараюсь не облажаться... – сказал Бунт, занимая кресло.

– Внимание, господа, прошу внимания на экран.

На экране появилось изображение – спутниковый снимок. Опытный Бунт сообразил, что этот снимок представляет собой результат оценки эффективности бомбового удара.

– Как вы уже знаете – первого мая прошлого года три ударных самолета ВМФ США сбросили три бомбы весом по 1000 фунтов каждая по отмеченному разведкой дому в населенном пункте Дхусамариб. В результате этого нам удалось ликвидировать находившихся в доме двоих лидеров исламистских бандформирований – Адана Хаши Фарраха и шейха Мухаддина Омара. Еще четверо полевых командиров были ранены. К сожалению, при этом погибли тридцать гражданских лиц, ущерб был признан чрезмерным и не соответствующим условиям проведения операции и Правилам ведения боевых действий. Таким образом, на использование подобного метода решения наших проблем здесь Объединенным штабом был наложен запрет. В отличие от Афганистана, такие меры признаны чрезмерными, и нам ничего не остается, джентльмены, кроме как подчиниться...

На экране появился новый слайд.

– Наша новая цель, джентльмены, которую мы должны взять живой или мертвой. Желательно мертвой. Это Салех Али Салех Набьян. 1979 года рождения, родился в Момбаса, Кения, наполовину белый, что не мешает ему пользоваться уважением и даже славой, на данный момент он является главным представителем Аль-Каиды в регионе. Радикальный исламист, третий в списке особо разыскиваемых лиц ФБР. За ним – попытка сбить самолет в Момбаса в 2002 году, взрыв начиненной взрывчаткой автомашины у израильской дипломатической миссии там же. Возможно, он прямо причастен и в взрыве американского посольства в Кении, где погибло 250 человек. Мы считали, что погиб в битве под Рас-Камбуни от авиационных ударов, но теперь получена достоверная информация, что он жив. Образован, умен, фанатичен, чрезвычайно опасен. Мистер Далли, у вас есть что сказать?

– Пожалуй, да, сэр...

Лонг сошел с трибуны и сел на одно из свободных кресел. А на трибуне его место занял солидный, средних лет мужчина выглядевший как университетский профессор, и державший себя как не меньше, чем президент.

– Джентльмены, то что я вам сейчас скажу, совершенно секретно...

Из папки мужчина достал несколько фотографий.

– Возьмите, посмотрите...

Фотографии пошли по рядам.

– ФБР внесло Набьяна в список особо разыскиваемых лиц в 2006 году. Как вы сами понимаете, для того чтобы попасть в такой список, недостаточно взорвать израильское посольство и угрожать сбить израильский самолет. Такое происходило не раз, не два и даже не десяток раз, это привычно и для нас и для израильтян. Пусть сами с этим и разбираются. Дело немного в другом, джентльмены.

Фотографии дошли до сержанта, тот принялся их перебирать. Это были фотографии людей.

– Люди, которых вы видите, принадлежат к исламистским террористическим ячейкам, тайно обезвреженных нами на территории США в 2006–2009 годах. Двое из них оказались врачами, точнее – один врач и один студент медицинского факультета одного из университетов Канады, оба легализовались и имели прекрасные документы. Во время допросов, врач признался в том, что успел умертвить 18 пациентов в больнице, в которой он работал. Ему почти удалось получить работу в компании, занимающейся производством консервированной крови и плазмы. Он признался, что собирался заразить направляемую в Афганистан консервированную донорскую кровь вирусом СПИД. Как вы сами понимаете, меры безопасности в военной медицине ослаблены, донорская кровь почти никогда не проверяется – и таким образом, он мог заразить несколько сотен, а то и тысяч наших солдат. Тот, который учился на медицинском – параллельно проводил опыты в области создания примитивного биологического оружия. Третьего выявили, когда его повысили до менеджера и назначили в багажное отделение аэропорта Джона Ф. Кеннеди. Четвертого удалось остановить, когда он, работая в «Консолидейтед Эдисон», перевелся на атомную станцию «Индиан Пауэр Пойнт» в Вестчестере, это рядом с Нью-Йорком. Что объединяет этих людей, джентльмены? Их объединяет то, что все они являются выходцами из Сомали или стран Восточной и Северной Африки, получили статус беженцев или легализовались иным образом. Их так же отличает чрезвычайная эффективность планов, которые они продумывали. Они не собирались делать глупости с тараном здания аэропорта на машине как в Лондоне. Они тихо и методично вредили нам; каждый использовал свою профессию, против этого мы практически бессильны. Наконец, сейчас мы получили информацию о том, что еще не активизировавшиеся агенты на территории США получили приказ на совершение террористического акта против действующего Президента США. И мы считаем, что за всеми этими террористическими действиями стоит Салех Али Салех Набьян, лидер сомалийской Аль-Каиды, имеющей серьезную законспирированную подрывную сеть в Канаде и США. Именно он вынашивает план убийства Президента Соединенных штатов. Поэтому, джентльмены, этот человек должен быть ликвидирован любой ценой, он представляет собой угрозу не меньшую, чем Осама бен Ладен. У меня все, джентльмены.

– Спасибо. Итак, джентльмены, перед нами чрезвычайно опасный противник. Вы сами прекрасно слышали, что замышляет он и его люди. Его нужно убрать со стопроцентной гарантией. Мы не можем полагаться на удар с воздуха, поскольку один раз мы уже считали этого человека погибшим. Если мы промахнемся на этот раз – никто не может дать гарантию, что не погибнет Президент Соединенных штатов или кто-то из этих ублюдков не окажется в военном госпитале с вирусом СПИДа. Поэтому за основу принимается план с вертолетным налетом. Прощу карту.

На экране появилась карта.

– Это городок Барааве, в Южном Сомали. Впервые за многие месяцы у нас есть независимое подтверждение, что этот ублюдок там. Мы считаем, что в течение ближайших двух дней он выдвинется с небольшим конвоем на север. Две-три... максимум четыре машины. В качестве атакующего средства мы используем вертолеты типа АН-6, они атакуют конвой по вашему наведению и уничтожат его. После чего мы ожидаем, что вы либо доставите тело Салеха на авианосец, либо, по крайней мере, возьмете пробу ДНК для того, чтобы могли впоследствии точно установить, попали мы в яблочко или промахнулись. Для координации действий будет использоваться легкий беспилотный летательный аппарат. Все ясно?

– А план Б, сэр? – спросил дин из тюленей.

– План Б. Если по каким-то причинам вертолеты не смогут выйти на цель – вы атакуете цель самостоятельно и уничтожаете ее. Для этого у вас будет все необходимое. После чего вы выходите в точку эвакуации, непосредственно к берегу, где вас подберет эвакуационная группа

на скоростных лодках. Сержант Бунт в этом случае поможет вам, он специалист по Африке, знает местные языки и обычаи, принимал участие в боевых действиях в Могадишо. Он будет у вас кем-то вроде проводника и специалиста по общению с местным населением. Условия признания миссии успешной те же самые – тело Салеха или образец ДНК.

– Сэр, почему нельзя использовать вертолеты с управляемым вооружением? – спросил один из тюленей.

– По двум причинам, джентльмены. Первая – нам нужно что-то, чтоб мы могли провести опознание. Желательно, само тело. Второе – по нашим данным у бандформирований Салеха на вооружении есть ракеты класса земля-воздух. Он специалист по их применению, не забывайте, он собирался сбить коммерческий авиалайнер в 2002-м. Именно поэтому использование обычных вертолетов слишком опасно, а в вашей группе будет два опытных снайпера. Они подстрахуют вертолеты на случай, если по ним откроют огонь управляемым вооружением.

– Сэр, почему нельзя использовать управляемые ракеты, запускаемые с земли? – спросил ганни Бунт. – Они неплохо применяются в Афганистане. Цель вполне для них обычная – гражданское транспортное средство.

– По той же причине. Нам нужно что-то, что мы можем опознать. Кроме того, нам хехе... не хватает бюджета, чтобы использовать такие дорогие игрушки. Это не Афганистан...

* * *

После брифинга ударная группа молча начала собирать все необходимое для рейда. Между морскими котиками и морскими пехотинцами в последнее время очень усилилась напряжённость: раньше было всё понятно, морская пехота была просто ударной силой, морские котики – спецназом. Но сейчас... Морская пехота обзавелась курсами легких водолазов; вместе с ВВС они стали тренироваться в затяжных прыжках и специальных операциях по спасению в зоне, контролируемой противником. Антитеррористический элемент у морской пехоты был давно: они охраняли посольства США по всему миру, и им просто оставалось создать спецгруппу для экстренного усиления группы безопасности посольств, находящихся в критической ситуации. И морская пехота создала MARSOC, силы специальных операций морской пехоты, вся разница с морскими котиками у которых состояла, что морские котики были военными моряками, научившимися действовать на земле, а спецназ морской пехоты был сухопутными крысами, знающими все про ближний бой, но теперь научившимися и плавать. Таким образом, получились два прямо конкурирующих подразделения с одними и теми же навыками, но морская пехота традиционно требовала намного меньше средств, чем флот, морские пехотинцы привыкли обходиться малым и перемещаться по миру налегке. Сейчас, когда людей не хватало, с этим мирились, но все понимали, что когда-нибудь эта проклятая Долгая война всё-таки закончится. И встанет вопрос о сокращении бюджетов...

И тем не менее, несмотря на традиционную нелюбовь друг к другу, ни морские котики, ни сам ганни Бунт не стали сейчас вести какие-то гнилые разборки. Все они были профессионалами и понимали, что крепость цепи равняется крепости самого слабого её звена...

– Сэр...

Ганнери-сержант оторвался от своей снайперской винтовки. Перед ним стоял один из морских котиков, по-видимому, командир. Ни один морской котик не носил знаков различия, да и общались они неформально, поэтому о том, кто у них на самом деле командир, оставалось только догадываться...

– Я лейтенант Снейк. Спецотряд ВМФ, шестая группа.

– Бунт. Морская пехота.

– Бывали в Ираке, сэр? Мы только что из Зеленой зоны...

– Бывал, парень. Только одну ходку... потом перебрался в Афганистан, – сержант растягивал слова на южный манер. – Ну и дерьмо же там у вас, доложу я вам...

Сержант Бунт был в армии уже длительное время, он привык выживать в самых разных условиях и никогда без нужды не показывал, кто он есть на самом деле. В его распоряжении было много масок – «свой парень», «тупой дрилл-сержант», «тупой ниггер» – и сейчас он привычно одел маску тупого ниггера. Благодаря MTV, раскручивающему откровенных чернокожих уголовников с их тюремным рэпом, за чернокожими закрепились слава недалеких и примитивных людей и ганнери-сержант ничего не имел против этого. Если кто-то считает его тупым ниггером, пусть так и будет, ему же проще. Другим совершенно необязательно знать, что он любит читать, причём не комиксы, и знает несколько иностранных языков.

– Да, приятного мало. Сэр, вон тот кривляющийся придурок, – это Кейв Этерли, он пойдет в одной связке с вами, если не возражаете...

– Какие возражения?

– Вот и хорошо. С вами все в порядке, сэр?

– В полном. А что?

– Мы слышали, вас выдернули из госпиталя, где вы оправлялись после ранения. Вы уверены, что сможете пойти с нами, сэр? У нас серьезные нагрузки, мы собираемся за ночь пройти около десяти миль с грузом и это после десантирования. Если у вас проблемы, то...

– Хочешь, толкнем землю³²? Кто быстрее сдаст?

Лейтенант молча выругался про себя. Он должен был предвидеть это – ни один морской пехотинец никогда не признает, что у него и в самом деле проблемы.

– Не стоит, сэр. В случае чего – Кейв вам поможет...

– Договорились. Но если ему потребуется моя помощь – ты угостишь меня виски, идет? Старый добрый арканзасский виски будет в самый раз.

Снейк вздохнул.

– По рукам, сэр...

* * *

Винтовка... прицел, который надо проверить отдельно. Для морского пехотинца его оружие – это его жизнь, перед тем, как сесть за стол, он сначала обслужит свою винтовку. Десять магазинов к ней, еще несколько пачек с патронами в рюкзаке. Пистолет... еще один пистолет... две мины Клеймор... подрывная машинка... гранаты... дымы... малый набор выживания... жратва... нож, но не Ка-Бар, а складник, острый как бритва и удобный... рация... прибор GPS, Кестраль...спальник, потому что хрен знает сколько времени там придется провести, а лежать на голой земле не годится... наверное все. Теперь – надо проверить парашют...

Закончив со снаряжением, ганнери-сержант Бунт поднял большой палец – готов. Лейтенант Снейк кивнул... никто не договаривался о распределении ролей в отряде, но ганни знал, что в случае неприятностей ему, как старшему в этой команде – придется повести за собой остальных. Морские котики были совсем молодыми... лейтенанту на вид и тридцати не было. Ему же уже сороковник. Под огнем они не растеряются, сработают навыки, заложенные в процессе обучения – а вот если придется совершать длительный рейд по пустыне, в отсутствие поддержки и под обстрелом... вот тут придется туго.

– Джентльмены, на палубу...

Под аккомпанемент вздохов и приглушенной ругани – они впряглись в свои рюкзаки. Пошли на палубу, где их ждал самолет...

– Ганни!

³² речь идет об отжиманиях...

Ганнери-сержант обернулся. Подошел к стоящему в тени Лонгу.

– Да, сэр.

– Что происходит?

– О чем вы, сэр.

– Мне не понравилось, как ты смотрел на этого ЦРУшника. Ты знаешь то, чего не знаю я?

– Нет, сэр.

– Уверен?

– Абсолютно, сэр...

Лонг какое-то время молча смотрел на него, потом кивнул.

– Удачи там...

– Семпер фи, сэр...

На самом деле ганни Бунт этого ублюдка знал. И хорошо знал! Он постарел, заматерел... и наверняка остался таким же дерьмом. Потому что это он двенадцать лет назад отправлял его на охоту за Мохаммедом Фаррахом Айдилом. Он, ганни точно помнил его рожу и не мог ошибиться. Ну, что, мистер умник, задание выполнено – лучше стало, а?

Сукин сын...

* * *

Второй пилот «Трески» – повернулся, показал два пальца. В маленьком грузовом отсеке «Трески» – они набились как сельди в бочке. Нормальных скамеек тут не было, сидели на своих парашютах. Горел приглушенный, красный свет, безопасный для приборов ночного видения...

– Две минуты! Приготовиться!

Встать. Снаряжение, его крепление проверено давным-давно, нужно только еще раз пробежаться по парашюту, потому что от него и только от него зависит, в каком виде ты будешь на земле: в виде готового к бою бойца или в виде мясной котлеты. Повернуться лицом к люку...

Лейтенант ударил по кнопке, аппарат пошла вниз, холодный воздух ворвался в самолет...

– Одна минута!

Пробежаться мысленно – не забыл ли чего. Перед прыжком – лучше думать о чем-то таком... нудном.

Красный цвет меняется зеленым.

– Зеленый включен!

– Сброс!

Прыгать не получается, на каждом – минимум 80 фунтов снаряжения, не считая веса парашютной системы. Просто идешь к люку, волоча за собой всю эту тяжесть. Затем – оступаешься и падаешь в бездну...

* * *

Приземлились нормально. С высоты Сомали казалось одним мрачным черным пятном, только по правую руку горел маленький, не крупнее булавочного укола огонек. Видимо, в каком-то селении жгли костер в бочке. А может быть, что-то горело...

Неважно, в общем.

Несмотря на то, что нормальной парашютной практики у них не было уже несколько лет, приземлились на пять баллов. Разбросало их изрядно... ну что поделаешь, ночь. Зато – никто ничего себе не сломал.

Сержант только успел собрать парашют, как увидел мигающий фонарик. Не обычный, конечно же, с тусклым красным светофильтром. Он ответил, затем – пошел на точку сбора, таща всё своё за собой...

* * *

– Где Бегун?

– Вон... кажется, его фонарь, сэр...

К ним, собравшимся и наставившим стволы на все стороны света, бежал по пустыне морской котик, которого отнесло особенно сильно.

– Сэр!

– Тихо... Доложить по приземлении...

Доложились. Приземлились чисто... для американской армии затяжные прыжки с парашютом не были приоритетом, их отрабатывали немногие – но тут собрались профессионалы. И сделали всё чисто...

– Сардж.

– Да, сэр.

– Вы, как я понял, снайпер.

– Да, сэр.

– Бегун, присоединишься к Красавчику и сержанту. Вы будете головным дозором.

– Есть, сэр.

– Фермер, смотри на шесть. Птица, помоги ему.

На территории врага все переходили на боевые клички, только сержанта звали «сержант», потому что не знали его кличку.

– Окей, Красавчик, смотри по направлению. Двинулись!

* * *

– Смотрите! На одиннадцать и дальше!

Лейтенант переполз к наблюдательной позиции.

– Да... черт бы их побрал.

На дороге останавливались машины, из них выходили люди. Машин здесь было немного, но они были. Больше гораздо было ослов и мулов – и их владельцы тоже останавливали своих животных и сходили с дороги...

– Вот черт... они что – заметили что-то?

– Наверяд ли... Сардж, как принимаешь?

В ответ – только один тоновый сигнал. Говорить слишком опасно.

– Ублюдки...

Лейтенант взглянул на часы.

– Намаз. Эти ублюдки собрались молиться Аллаху...

Они много времени провели в Ираке – но такого там не было. Всё-таки несколько десятилетий жизни в безбожном государстве Саддама Хуссейна давали о себе знать. Особо фанатичные концентрировались у иранской границы, на юге, в Садр-Сити в Багдаде. В остальных местах, как только наступало время намаза... конечно кто вставал на намаз, кто просто поминал Аллаха, не отрываясь от своих занятий... но не было такого, что все сразу, вообще все – остановились. Нигде такого не было, а здесь – есть.

Это зрелище произвело на морских котиков гнетущее впечатление. Все они отчетливо понимали, что видят перед собой новую войну...

– Птица, что у нас с наведением...

Птица, лежавший чуть позади всех с компьютером, чуть слышно присвистнул.

– Ничего, сэр. Нет движения.

– Смотри внимательней.

– Есть, сэр.

Лейтенант опять посмотрел в прибор наблюдения на дорогу и на окрестности. Было тревожно.

– Черт бы их побрал...

В непосредственной близости от дороги было трое – этот психованный черномазый снайпер и двое его людей, которые увязались за ним. Черт бы их побрал...

– Сэр, если кому-то из этих хаджей после намаза придет в голову оправиться, он оправится как раз на головы нашим...

– Заткнись...

– Есть, сэр...

* * *

Ганнери-сержант Грегори Бунт был от дороги намного ближе, чем основной отряд морских котиков, можно было даже сказать – критически близко. Если брать классическую засаду, буквой L – то он, вместе с пулеметчиком котиков и своим вторым номером – был на коротком плече этой буквы. Самая выгодная позиция – и самая опасная, потому что она близко к дороге. Причем – вопреки классической схеме он устроил засаду на другой стороне дороги, то есть это была буква L, вывернутая наизнанку. Основная группа заняла позиции на восточной части дороги, а они – через дорогу на западной. Дабы защититься от возможного поражения пулями своих же – они отступили на север не меньше, чем на 200 ярдов. Характеристики их оружия это позволяли. Правда, теперь в случае большой заварухи они рисковали быть отрезанными от основной группы.

За тот остаток времени, который остался от ночи, они выдвинулись вперед – та группа, которая и была головным дозором. Тот парень с пулеметом, которого поставили за ним приглядывать и еще один, молодой, но дельный. Второй номер снайперской пары, у него был карабин с глушителем и оптическим прицелом. Бесшумная смерть, до трехсот ярдов – как в тире. Они же были меньше чем в ста ярдах от дороги.

Сержант действовал точно так же, как его учили действовать в пустынной местности. Работая лопатой, он выкопал углубление в полтора фута, накрыл его плотной тканью, затем с помощью Красавчика – засыпал сверху землей и даже «посадил» поверх небольшой, чахлый куст. В это укрытие он и заполз. В пустыне, на ровной поверхности, спрятаться сложно, но возможно. Главное – чтобы ничего не нарушало ровный вид поверхности. Любая кочка, любой пригорок для местных – уже сигнал опасности.

– Хорошо, что нет собак... – на грани слышимости прошептал Аллен.

Молящиеся отошли от дороги недалеко, на пару десятков ярдов. Мекка располагалась примерно там, где лежали они, молящиеся были видны им как бы «сбоку-спереди», под углом градусов в 45°. Это дополнительная опасность – обычно человек не видит, что находится на земле, он инстинктивно смотрит на уровень своего роста... но эти-то стояли на коленях на своих ковриках. Любое неосторожное движение могло стать роковым.

И да... хорошо, что нет собак. Собаки бы их уже учуяли...

Сержант уже пожалел, что выдвинулся так близко к дороге. Это было опасно, а снайпер, который ищет себе опасности – плохой снайпер. Но он привык так делать в Афганистане. Дело в том, что сейчас ввели новые правила... конкретно идиотские. После того, как ты пристрелил какого-нибудь тюрбана – ты должен постараться взять у него образец ДНК. Вы представляете себе, что это такое? Выстрел, всех подняли на ноги... и в это же время второй номер снайпер-

ской пары бежит к подстреленному, чтобы взять у него мазок слюны из глотки или крови³³. А у многих снайперов нет глушителей и выстрел в горах может быть слышен на много миль. Сержант Бунт был одним из тех немногих, кому все же удалось выполнять эти долбанные правила... у него на винтовке был глушитель, а сама винтовка была полуавтоматической, так что он мог прикрыть своего второго номера вполне действенным огнем, пока тот бежал за образцом ДНК. Потому-то он и привык сближаться с противником по максимуму – одновременно и повышается шанс убить ублюдка с первого выстрела и второму номеру ближе бежать...

Становилось всё жарче... Днём воздух в пустыне может прогреться до 50°. Кэмелбек, заплечный мешок с водой помогал, но немного, тем более сержант контролировал себя. В жару нужно пить минимум, буквально по небольшому глотку в час, они это поняли на своем страшном и кровавом опыте в Афганистане. Всё излишне выпитое не усваивается организмом на клеточном уровне, а выходит из него с потом, форма становится жесткой как наждачная бумага и раздражает в кровь тело в самых неподходящих местах. Идти становится почти невозможно, более того это чревато заражением. Да... корпус Морской пехоты Соединенных штатов Америки многое познал и многому научился с тех пор, как они пришли в эту горную страну...

Он не двигался. Совсем. В Афганистане он научился лежать неподвижно целый день и только ночью немного разминать мышцы и приводить себя в порядок, чтобы выдержать день следующий. В Снайперской школе морской пехоты такому тоже не учили... там учили маскироваться и стрелять, но не лежать неподвижно целый день в полном снаряжении и в 50-градусную жару. Человеческий глаз прежде всего замечает движение... это идет с незапамятных времен, когда движение означало нападение хищников... А парень рядом с ним молодец... хоть и молодой совсем... не ноет, не дёргается, а молча лежит рядом с ним...

Больше всего сержант не хотел, чтобы этот ублюдок, НВТ – попёрся по дороге прямо сейчас. Ничего хорошего... на него наведут вертолеты. Два боевых АН-6, на каждом по два «Минигана». Из молящихся они сделают фарш секунд за тридцать. А в этом – нет ничего хорошего.

Совершив намаз – люди вставали, скатывали свои коврики, шли к машинам, к оставленным на жаре животным. Поражала их сосредоточенность, нетипичная для африканцев, на их лицах читалась серьёзность происходящего, осознание важности и нужности того, что они только что сделали, обратились к Аллаху с молитвой. Вокруг уже двадцать второй год шла гражданская война, но они по-прежнему сохранили веру в Аллаха, не изверились.

Серьезные ребята...

Машины трогались. Ревели тощие, понукаемые палками ослы, вынужденные везти свой груз под палящим солнцем. Один человек ехал на повозке, представляющей собой отрезанную автогенном заднюю часть какой-то старой машины, впряженную в пару мулов...

– Внимание всем позывным Дельта, внимание всем позывным Дельта. Движение, повторяю – движение. Расчетное время сорок минут, расчетное время – сорок минут.

Понеслась... Если бы полежать на этом проклятом солнце еще какое-то время – то вполне можно и изжариться...

* * *

Вертолеты как всегда запаздывали, им пришлось обходить позицию боевиков с двумя крупнокалиберными ДШК, которые теоретически могли сбить маленький АН-6 и отправить пилотов в преисподнюю. Теперь основная нагрузка ложилась на них.

– Внимание, цель! Два автомобиля, белый внедорожник и легкий грузовик. В кузове грузовика вижу несколько танго, АК-47 и РПГ.

³³ Звучит дико, но сейчас это так и есть. Выполнение – на совести снайперов, конечно.

- Где, мать их, вертолеты...
- Сэр, новое РВП десять минут...
- Черт бы побрал эту срань... Начинаем! Обратный отсчет!

Слева, по левую руку, бухнула снайперская винтовка 50-го калибра, которую они взяли с собой, чтобы остановить транспорт противника. У джипа – это была белая японская «Тойота» в комплектации для стран Ближнего Востока, очень популярная среди варлордов – вздыбился капот, от удара пули в небо ударил фонтан пара и воды из радиатора. Это было хреново – капот закрывал салон джипа, не давал его обстрелять.

На машины обрушился шквал огня, котики знали свое дело. В засаде за первые 20–30 секунд ты должен выпустить по противнику как можно больше пуль и как можно быстрее; дальше преимущества, вызванного внезапностью, у тебя уже не будет. Сержант пристрелил... кажется одного, хотя точно сказать не мог – в парня попало сразу несколько пуль разных стрелков. После чего он оставил левый фланг основной группе и обратил внимание на правый. И вот тут ему удался чистый и однозначный выстрел. Ублюдок с РПГ – перескочил через борт грузовика, и он достал его в полете... круто, мало кто может сделать такой выстрел, попасть в противника во время прыжка даже с небольшой дистанции. Он это смог. Остальных добил его второй номер, благодаря тому, что у его карабина была меньшая отдача и автоматический режим огня.

- Слева чисто! – донеслось по рации.
- Справа... – чисто.
- Держу правый фланг – подсказал сержант.
- Держим правый фланг, можете работать...
- Принято.

Оставив на прикрытии всего лишь снайпера с крупнокалиберной винтовкой – морские котики устремились к остановленной колонне. Надо было посмотреть, кто остался жив, забрать того, кого они должны были убить и обыскать машины на предмет развединформации. Многие оперативники Аль-Каиды имеют с собой ноутбуки, правда, никогда не выходят с ними в сеть. Но если найти и забрать такой ноутбук, даже разбитый пулей – техники ЦРУ могут извлечь оттуда максимум полезного...

Вертолетов еще не было.

- Сэр, отходим?

– Лежать – приказал сержант. Как и у любого морского пехотинца, отбывшего два срока в Афганистане, и еще побывавшего со своей винтовкой чёрт знает где – у него было чутье на неприятности. И сейчас оно подавало сигналы тревоги.

Неприятности появились в виде грузовика, набитого до отказа какой-то дрянью. Наверху – как это часто бывает в Сомали – сидели люди, возможно, поэтому беспилотник его пропустил, посчитав гражданским транспортным средством. Но это было явно не гражданское транспортное средство. Потому что грузовик катился по дороге из-за их спин, в направлении противоположном направлению движения конвоя и водитель весьма разумно выключил двигатель, понадеявшись на инерцию. А прикрываясь грузовиком – бежали моментально спрыгнувшие с крыши люди, вооруженные автоматами АК-47. Очевидно, в тюках, в которых обычно возят всякое барахло – было оружие и боеприпасы, которые везли исламистам, а наверху – сидела охрана. Вооружённые и подготовленные боевики, Союз Исламских судов или что похуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.